

ПЕРЕПИСКА Р. РОЛЛАНА С ДЕЯТЕЛЯМИ МОРПА (1931 — 1936)

Публикация Т. В. Балашовой и Л. Р. Ланского

1. Б. ИЛЛЕШУ

Villeneuve, 21 juin 1931

Cher Bela Illes,

J'ai bien reçu votre lettre¹; et je suis, comme vous le savez, en plein accord avec vous contre la guerre. Mais assez souffrant en ce moment, je m'excuse de ne pouvoir vous envoyer d'article: je suis tenu à quelques semaines de repos.

Je vous serre la main cordialement².

Romain Rolland

Перевод

Вильнёв, 21 июня 1931 г.

Дорогой Бела Иллеш,

ваше письмо я, конечно, получил¹; я, как вам известно, в полном согласии с вами — противник войны. Но сейчас мне сильно нездоровится, прошу извинить, что не могу выслать вам статью: я вынужден отдыхать в течение нескольких недель.

Сердечно жму вашу руку².

Ромен Роллан

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 1. — Перевод Л. Р. Ланского.

¹ Письма Иллеша к Роллану не сохранились (кроме одного — № 8), так как при вступлении гитлеровских войск в Везеле, где жил Роллан, он, опасаясь обыска, сжег множество бумаг, в том числе почти все письма своих корреспондентов — деятелей МОРПА.

² Здесь же находится следующая телеграмма Роллана Иллешу (л. 12):

Bela Illes. Boîte postale 850.

Envoi Appel. Romain Rolland.

Перевод

Бела Иллешу. Почтовый ящик 850.

Высылаю Призыв. Ромен Роллан.

2. ЕМУ ЖЕ

Mardi, 30 juin 31

Cher Bela Illes,

Votre télégramme m'est transmis avec retard dans un coin isolé des montagnes, où je suis au repos. Pour certaines raisons je ne puis vous répondre télégraphiquement. Je ne sais si ce mot vous arrivera encore à temps. Excusez-en la hâte et la fatigue.

Nul de vous ne peut plus douter de ma foi en U.R.S.S. Et quant à mes sentiments à l'égard de la guerre impérialiste de 1914, je les ai exprimés, à mes dépens, dans mes livres d'articles: *Au-dessus de la Mêlée* et *Les Précurseurs* — ainsi que, ce mois même, dans un article passionné: *Adieu au Passé*, dont vous lirez la traduction dans une des revues de Moscou (je crois, dans *Krasnaja Nov*)¹.

Je vous serre cordialement la main.

Romain Rolland

Перевод

Вторник, 30 июня 31 г.

Дорогой Бела Иллеш,

ваша телеграмма вручена мне с опозданием в уединенном горном уголке, где я отдыхаю. По некоторым причинам не могу ответить вам телеграммой. Я еще не знаю, дойдут ли до вас вовремя эти строки. Извините, что они написаны наскоро и в состоянии усталости.

Никто из вас уже не может подвергать сомнению мою веру в СССР. Что же касается моего отношения к империалистической войне 1914 года, то я выразил его, с ущербом для себя, в своих сборниках статей «Над схваткой» и «Предтечи» — а также, еще в этом месяце, в горячей статье «Прощание с прошлым», перевод которой вы прочтете в одном из московских журналов (кажется, в «Красной нови») ¹.

Сердечно жму вашу руку.

Ромен Роллан

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 2—3. — Перевод Л. Р. Ланского.

¹ Статья «Прощание с прошлым» была впервые опубликована в «Europe» от 15 июня 1931 г.; перепечатана затем в сборнике «Quinze ans de combat». P., 1935. На русском языке — «Красная новь», 1931, № 7, стр. 151—168. Вошла в Собр. соч. Р. Роллана, т. 13, М., 1958, стр. 222—259.

3. Б. ЯСЕНСКОМУ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
4 novembre 1931

Cher camarade,

Je vous remercie de l'envoi qui m'a été fait des deux premiers numéros de votre revue *Littérature de la Révolution Mondiale* (édition française). Elle m'a beaucoup frappé; et je vous prie de m'inscrire parmi vos abonnés.

Je regrette de n'avoir pu lire encore *Le bal des mannequins*, annoncé dans le № 3 que je n'ai pas reçu ¹. Mais j'ai fort apprécié la valeur littéraire et humaine de plusieurs des œuvres publiées dans le № 1: en tout premier rang, des *Contes chinois* de O. Erdberg. Ils sont appelés à une rapide célébrité. — Je félicite aussi le camarade Bela Illes, pour son sobre et juste récit, que relève une pointe de virile amertume ². Et je goûte l'humour de l'*Argent* de Linard Laicen ³.

Quant à la 2^e conférence internationale des écrivains révolutionnaires, publiée dans le № 2, c'est un document historique remarquable, en même temps qu'un enseignement pour nous tous ⁴.

Veuillez me croire votre dévoué

Romain Rolland

J'adresse le montant de mon abonnement (c'est bien 60 francs français, pour un an? Il y a là-dessus désaccord entre la feuille encartée dans la revue, et la page de couverture intérieure) — à Berlin, «Kniga».

Pour votre lettre ouverte concernant le journal d'un jour du U.I.E.R. ⁵ — je regrette de ne pouvoir vous envoyer de matériaux. Ceux que vous demandez sont actuellement en dehors de mon cercle d'observations directes ou de ma compétence.

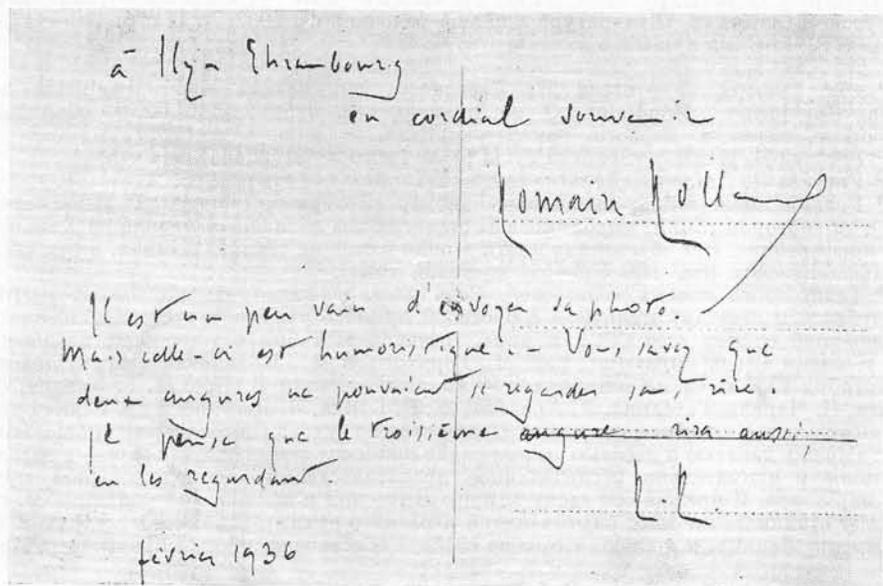
P. S. Au moment d'envoyer cette lettre, je reçois un télégramme de Bela Illes, me demandant de m'associer à la protestation en faveur du poète allemand Erich Weinert ⁶. Inscrivez mon nom! J'ai toujours été et je suis, par essence, un champion de l'Indépendance de l'Esprit.

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
4 ноября 1931 г.

Дорогой товарищ,

благодарю вас за присылку мне двух первых номеров вашего журнала «Литература мировой революции» (французское издание). Он произвел на меня сильное впечатление, и я прошу включить меня в число ваших подписчиков.



А. М. ГОРЬКИЙ И РОМЕН РОЛЛАН, ГОРКИ, ИЮЛЬ 1935 г.

Фотооткрытка

На обороте дарственная надпись Роллана И. Г. Эренбургу (перевод):

«Илье Эренбургу сердечно на память. Ромен Роллан».

Немного тщеславно посылать собственную фотографию. Но эта — юмористическая. Вы знаете, что два авгура не могли без смеха смотреть друг на друга. Я думаю, что и третий авгур посмеется, глядя на них.

Февраль 1936 г.».

Р. Р.

Архив Романа Роллана, Париж

Фотография была предоставлена «Литературному наследству» И. Г. Эренбургом, получившим ее для этого из Парижа

Сожалеею, что мне не удалось еще прочесть «Бал манекенов», который обещан для № 3: я еще его не получил¹. Но я высокого мнения о литературной и человеческой ценности многих произведений, напечатанных в № 1, — и прежде всего «Китайских новелл» О. Эрдберга. Им суждена в скором времени широкая известность. Поздравляю также товарища Бела Иллеша за его суровый и правдивый рассказ с оттенком мужественной горечи². Наслаждаюсь я и юмором «Денег» Линарда Лайцена³.

Что же касается материалов 2-й Международной конференции революционных писателей, напечатанных в номере втором, — это замечательный и повстине поучительный для всех нас исторический документ⁴.

Примите уверения в моей преданности.

Ромен Р о л л а н

Высылаю подписную сумму (60 французских франков за год — не так ли? Есть некоторые расхождения между вложенным в журнал листком и внутренней страницей обложки) — в Берлин, «Книге».

Что касается вашего открытого письма по поводу хроники одного дня МОРПа⁵, — к сожалению, не могу вам выслать материалы. Те, что вы просите, находятся в настоящее время вне поля моего зрения или вне моей компетенции.

Р. С. Когда я собирался отправить это письмо, я получил телеграмму от Бела Иллеша, в которой он просит меня присоединиться к протесту в защиту немецкого поэта Эриха Вайнерта⁶. Поставьте мое имя! Я всегда был и остаюсь по самой своей природе борцом за Независимость Духа.

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 42, л. 1—2 об. — Частично опубликовано на русском языке в «Литературе мировой революции», 1932, № 1, стр. 116—117. — Перевод Т. В. Балашовой.

¹ «Бал манекенов» — пьеса Б. Ясенского, помещенная в № 3 «Littérature de la Révolution Mondiale». О ее предстоящей публикации было объявлено на обороте обложки первого номера журнала.

² Рассказ Б. Иллеша «Золотой гусь» (в № 1 того же журнала).

³ Рассказ Л. Лайцена «Деньги» был напечатан в том же номере.

⁴ Роллан имеет в виду специальный номер «Литературы мировой революции», (1931), в котором были опубликованы стенограммы докладов и прений на Харьковской конференции. Эта объемистая книга вышла в свет на четырех языках, в том числе и на французском (см. стр. 562—563 настоящ. тома).

⁵ Текст этого письма неизвестен. Речь идет, очевидно, об обращении МОРПа к зарубежным деятелям культуры с просьбой принять участие в составлении книги, посвященной одному дню СССР и мира. Замысел этот был осуществлен позднее: в 1937 г. издан «День мира» (под ред. М. Горького и М. Кольцова), запечатлевший 27 сентября 1935 г. Среди материалов — корреспонденции Б. Брехта, Г. Уэллса, Ст. Цвейга, К. Чапека, Г. Манна, Л. Арагона, Ж. Р. Блока, Л. Дюртена и др. Роллан прислал «Письмо из Вильнёва», где рассказывал о своем трудовом дне, завершив письмо словами: «Между девятью и десятью часами радио приносит нам последнее эхо — профильтрованное и внимательно исследованное правительствами — о политической путанице на Западе. И прежде чем заснуть, в анархическом и жестоком мировом хаосе, где я слышу столкновение масс разных наций и разного духа, я вспоминаю мудрую и ясную мысль Ленина, и я знаю, что наша свобода обеспечена, ибо мы правы» (стр. 478—480).

⁶ О выступлении в защиту Вайнерта см. на стр. 172—176 настоящ. тома.

4. РЕДАКЦИИ «LITTÉRATURE DE LA RÉVOLUTION MONDIALE»

Villeneuve, 3 janvier 1932

Chers camarades,

Je viens de recevoir le troisième numéro de votre Revue¹, et je vous en remercie. Mais je m'aperçois que je n'ai pas le numéro 2. — J'avais seulement reçu le numéro 1 et le Numéro Spécial². — Pourriez-vous me faire parvenir le numéro manquant? (№ 2)

Bien cordialement à vous

Romain Rolland

Перевод

Вильнёв, 3 января 1932 г.

Дорогие товарищи,

Я только что получил третий номер вашего журнала ¹, благодарю вас за него. Я обнаружил, однако, что у меня нет номера второго. Мною получены только первый номер и Специальный номер ². Не могли ли бы вы прислать мне недостающий номер? (№ 2)

Сердечно преданный вам

Ромен Роллан

Машинопись с авторской подписью. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1.—Перевод Л. Р. Ланского.

¹ Третий номер «Littérature de la Révolution Mondiale» 1931 г.

² О специальном номере «Литературы мировой революции», посвященном публикации материалов Харьковской конференции,— см. примеч. 4 к п. 3.

5. Б. ИЛЛЕШУ

Villeneuve, 29 mars 1932

Cher Bela Illès,

J'ai reçu votre lettre seulement hier 28, et me suis adressé à un ami pour les démarches. Mais vous ignorez sans doute que ces demandes exigent beaucoup de temps et sont très difficilement accueillies ¹.— Il faut passer à la fois par les autorités fédérales et les autorités cantonales; et si la première est difficile, la seconde, en ce qui concerne le canton de Vaud, où j'habite, est presque inabordable. Pour Marie Koudacheva j'ai essuyé un refus du canton, et ce n'est qu'après de longues démarches que j'ai pu finalement obtenir son entrée sous des conditions très rigoureuses ².—Il y a donc bien peu d'espoir que je réussisse maintenant, surtout dans un laps de temps aussi restreint.

Merci beaucoup pour votre livre que je lirai avec un double intérêt,— parce qu'il est de vous, et parce qu'il traite de la Révolution hongroise ³.

Quant à ce que vous me dites de l'édition de mes articles — vous savez que je suis tenu par traité envers *Vremia* de Léningrad pour l'édition de toutes mes œuvres. D'autre part, il serait prématuré que l'on publiât en Russie maintenant ces articles, car j'ai l'intention de m'en occuper, cet automne; ils sont disséminés partout, et moi seul puis les rassembler d'une façon complète. Une édition que l'on ferait avant, et sans mon concours, serait sûrement défectueuse. J'ajoute enfin que le plus gros morceau de ce recueil d'articles doit être la suite que je projette à *L'Adieu au Passé* ⁴ — c'est à dire le récit fait par moi de mon évolution de pensée entre 1919 et 1932 ⁵. Or, il m'est absolument impossible d'écrire ces pages avant d'avoir terminé les deux derniers volumes de *L'Ame enchantée*, qui sont un très gros travail (et qui traitent de la même époque historique d'après-guerre).— Pour toutes ces raisons, je vous conseille donc de patienter un peu, et en tout cas de vous entendre avec *Vremia*.

Je vous envoie mes salutations fraternelles à vous et aux camarades écrivains soviétiques. J'espère bien que nous trouverons de toute façon une occasion de nous rencontrer.

Romain Rolland

P. S. Vous aviez oublié de me donner votre adresse à Berlin et je dois vous envoyer cette lettre à Moscou!

Перевод

Вильнёв, 29 марта 1932 г.

Дорогой Бела Иллеш,

ваше письмо я получил только вчера, 28-го, и я попросил одного из друзей что-нибудь предпринять. Но вы наверняка не представляете себе, как много времени отнимают эти хлопоты и как трудно добиться удовлетворительного ответа ¹. Не-

обходимо получить согласие и федеральных и кантональных властей, и если первое нелегко, то второе, по крайней мере для кантона Во, где я живу, почти невозможно. Когда я просил о Марии Кудашевой, кантон отказал мне, и только после продолжительных хлопот я смог, наконец, добиться, чтобы въезд был ей разрешен, но на весьма строгих условиях². Поэтому очень мало надежды, что мне это удастся теперь да еще в такой короткий срок.

Большое спасибо за вашу книгу, которую я прочту с двойным интересом — потому что она ваша и потому что в ней идет речь о Венгерской революции³.

Что же касается вашего предложения об издании моих статей, — вы знаете, что я связан договором на издание всех моих произведений с ленинградским «Временем». Помимо того, публикация этих статей в России была бы сейчас преждевременной, ибо я намерен заняться ими нынешней осенью; они рассеяны повсюду, и только я сам могу полностью их собрать. Издание, осуществленное до этого и без моего участия, несомненно, было бы неполноценным. И наконец, — самую значительную часть этого сборника статей должно занять задуманное мною продолжение «Прощания с прошлым»⁴, т. е. мой собственный рассказ об эволюции моих взглядов между 1919 и 1932 гг.⁵ Но я не смогу приняться за эти страницы, пока не закончу два последних тома «Очарованной души», а это огромная работа (и речь идет там о той же послевоенной исторической эпохе). Итак, по всем этим причинам советую вам немножко подождать и, во всяком случае, договориться с «Временем».

Шлю братский привет вам и товарищам советским писателям. Надеюсь, что нам все-таки представится случай встретиться.

Ромен Р о л л а н

Р. С. Вы забыли дать мне свой берлинский адрес, и мне приходится отправлять вам это письмо в Москву!

Машинопись с авторской правкой и автографической подписью. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 4. — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Иллеш просил Роллана оказать ему содействие в получении визы на въезд в Швейцарию для свидания с ним.

² Мария Павловна *Кудашева*, уроженка России, переехала к Роллану в Вильнёв в 1931 г. и вскоре стала его женой. Ходатайствовать о визе для нее Роллану пришлось трижды: в 1929, 1930 и 1931 гг. В последний раз затруднений было особенно много, так как речь шла не о кратковременном визите, а об окончательном переезде Кудашевой из Советского Союза в Швейцарию.

³ Книга Иллеша «Генеральная репетиция. Роман о венгерской революции» («Generalprobe. Roman der Ungarischen Revolution») была выпущена на немецком языке «Издательством иностранных рабочих» (М., 1932).

⁴ См. примеч. к п. 2.

⁵ Продолжением «Прощания с прошлым» явилась «Панорама» — обширное введение Роллана к изданному в 1935 г. сборнику публицистических статей «Quinze ans de combat» («Пятнадцать лет борьбы»). Editions Rieder, collection *Europe*. В том же году появилась книга «Par la Révolution, la Paix» («Через революцию к миру») (Editions Sociales Internationales, collection *Commune*). На русском языке — Собр. соч. Р. Роллана, т. 13, стр. 24—76.

6. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve, 11 avril 32

Cher camarade,

J'attendais votre adresse pour vous écrire. Je n'ai malheureusement pas réussi. La personne à laquelle je m'étais adressé pour tâter le terrain officiel, m'a rapporté une réponse négative¹. En ce moment d'extrême tension des esprits, toute demande de ce genre se heurte à de fortes méfiances. — Je ne suis, d'ailleurs, moi-même, nullement en «odeur de sainteté» auprès des «gouvernements» — et maintenant, moins que jamais, après les colères causées ici par mes récentes apostrophes publiées contre la Société des Nations². Mon attitude des dernières années m'a fait en Suisse (romande surtout) plus d'ennemis encore que pendant la guerre. On m'en a même voulu pour la venue de Gandhi en Suisse³, quoique je n'ai fait aucune démarche pour cela; mais son libre parler aux meetings de Genève et de Lausanne a exaspéré la bourgeoisie nationaliste, et elle m'en garde rancune.

Vous pourriez peut-être demander à votre délégation à la Conférence du Désarmement qui doit revenir, de vous emmener comme correspondant journaliste?

Sinon, si vous n'obtenez pas le visa par vos propres amis, et ne pouvez par conséquent venir causer avec moi des projets littéraires dont vous me disiez un mot dans votre dernière lettre, — écrivez-les moi, en n'oubliant pas de m'indiquer la date de votre départ, pour que je sache où vous répondre.

Cordialement à vous
Romain Rolland

Est-ce que votre revue continue de paraître sous le même titre? Ou la *Littérature Internationale* la remplace-t-elle? ⁴ J'attends de le savoir, pour renouveler mon abonnement.

Перевод

Вильнёв, 11 апреля 32 г.

Дорогой товарищ,

я ожидал вашего адреса, чтобы написать вам. К сожалению, меня постигла неудача. Человек, к которому я обратился, чтобы позондировать официальную почву, принес мне отрицательный ответ ¹. В настоящий момент, при крайней напряженности умов, всякое ходатайство подобного рода наталкивается на сильную подозрительность. К тому же я сам отнюдь не числюсь у «властей» «благомыслящим» и сейчас менее, чем когда-либо, из-за ярости, вызванной здесь моими недавними резкими выступлениями в печати против Лиги наций ². Моя позиция последних лет создала мне в Швейцарии (особенно в романской) еще больше врагов, чем во время войны. На меня гневались даже за приезд в Швейцарию Ганди ³, хотя я ничего для этого не предпринимал; но его свободолобивые речи на митингах в Женеве и Лозанне разъярили националистическую буржуазию, и она затаила злобу против меня.

Не могли ли бы вы договориться с вашей делегацией, вновь прибывающей на Конференцию по разоружению, чтобы вас взяли в качестве корреспондента-журналиста?

Если же и через ваших друзей вы не получите визы и, следовательно, не сможете приехать, чтобы побеседовать со мной о литературных планах, о которых вы мельком упомянули в вашем последнем письме, напишите мне о них, но не забудьте указать дату вашего отъезда, чтобы я знал, куда вам ответить.

Искренне ваш

Ромен Роллан

Ваш журнал продолжает появляться под тем же названием? Или «*Интернациональная литература*» заменяет его? ⁴ Жду ответа, чтобы возобновить подписку.

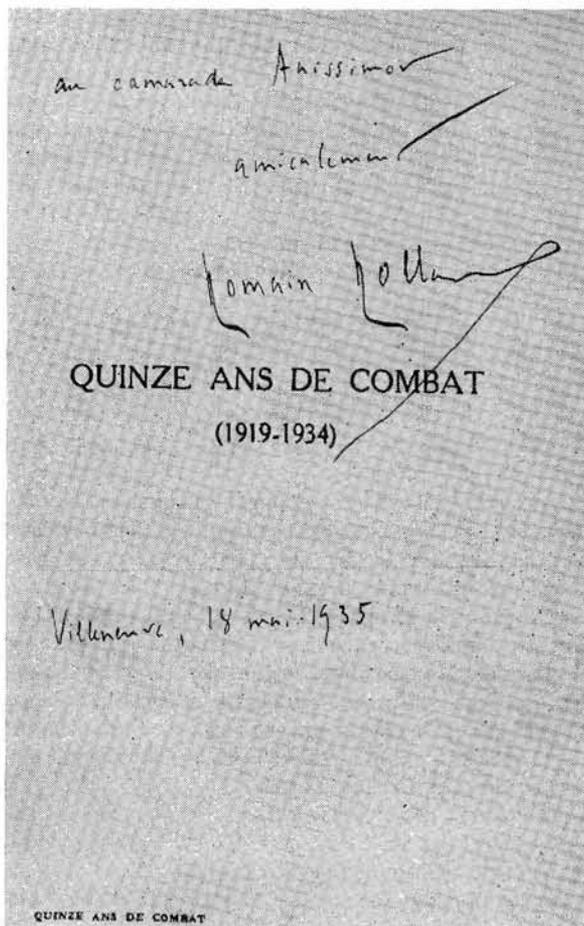
Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 5—6. — Перевод Т. В. Балашовой.

¹ Речь идет о намерении Иллеша получить визу на въезд в Швейцарию (см. предыдущее письмо).

² Наиболее резким выступлением Роллана, вызвавшим сильное раздражение в швейцарских правительственных кругах, было «Письмо Пьеру Серезолю по поводу Лиги наций» (см. Собр. соч. Р. Роллана, т. 13, стр. 197—199).

³ Официальной целью приезда Ганди в Европу было участие в конференции «Круглого стола» (Лондон, сентябрь — ноябрь 1931 г.). Роллан выехал навстречу Ганди, надеясь встретить его 11 сентября в Марселе, но по дороге простудился и вынужден был вернуться. 6 декабря, после посещения Лондона и Парижа, Ганди приехал в Швейцарию к Роллану. На вилле «Лионетт», расположенной рядом с виллой «Ольга», Ганди провел пять дней, часами беседуя с Ролланом о проблемах, близких им обоим. 8 декабря Ганди выступал на митинге в Лозанне, а 10 декабря — в Женеве. Швейцарские газеты в те дни писали, что «Ганди напел пристанище у большевика Ромена Роллана» (R. Rolland. *Inde. Journal. P.*, 1960, p. 345).

⁴ Иллеш был членом редколлегии «Вестника иностранной литературы», затем «Литературы мировой революции». На десятом номере 1932 г. издание этого журнала прервалось. В 1932 г. этот журнал на французском языке, по-видимому, не издавался (см. стр. 582 настоящ. тома).



СБОРНИК СТАТЕЙ РОМЕНА
РОЛЛАНА «QUINZE ANS DE
COMBAT (1919—1934)»
(«ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ»),
PARIS, 1935

Экземпляр с дарственной надписью
И. И. Анисимову (перевод):
«Товарищу Анисимову дружески
Ромен Роллан
Вильнёв, 18 мая 1935 г.»
Шмуцтитул
Собрание И. И. Анисимова,
Москва

1. ЕМУ ЖЕ

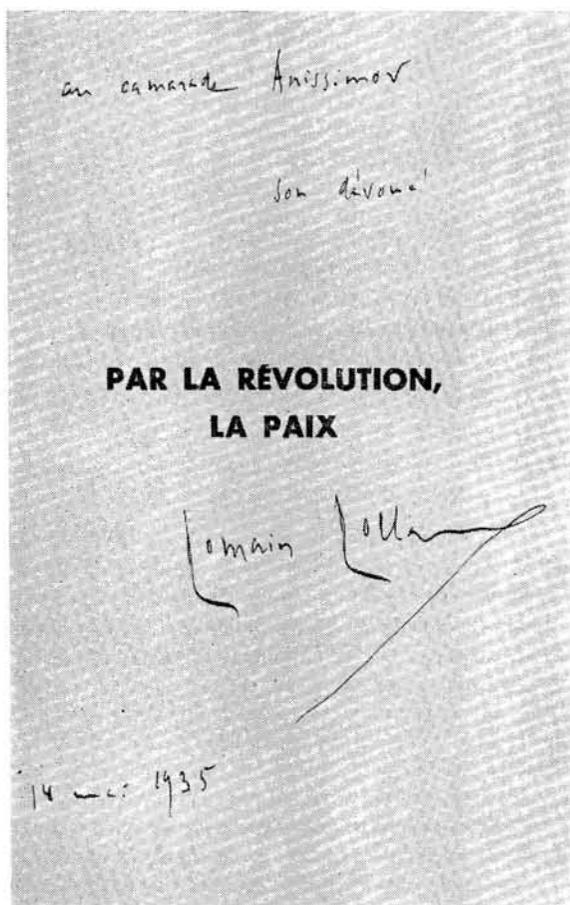
Villeneuve, 22 septembre 1932

Cher Bela Illès,

Vous me demandez quelle influence a eue sur mon œuvre la Révolution d'Octobre. S'il s'agit de mon œuvre littéraire, cette influence n'y est pas très apparente jusqu'à présent, et j'ajouterais qu'elle ne peut l'être, suivant le rythme personnel de ma composition. Une grande influence qui s'exerce sur mon esprit et qui oriente mon action met chez moi un temps assez long avant de se traduire en œuvres littéraires. Il en a toujours été ainsi au cours de ma carrière. Je pourrais dire que quand j'ai écrit *Jean-Christophe*, j'étais déjà presque sorti de l'atmosphère morale qui l'a engendré. Il me faut de longues années pour m'en pénétrer de telle sorte que la genèse de l'œuvre soit un phénomène organique. En conséquence, je vous dirai que c'est seulement dans les deux derniers livres de mon roman en cours (*L'Ame Enchantée*) qui vont paraître cet hiver que commenceront de s'exprimer les influences et les courants de la Révolution Russe dans des caractères que j'ai créés d'après mes expériences du temps. — Quant à ce qui me concerne personnellement, je n'ai pas attendu si longtemps pour exprimer dans des articles nombreux mes idées à ce sujet. (*Vremia* doit en publier un recueil pour l'Anniversaire d'Octobre¹).

СБОРНИК СТАТЕЙ РОМЕНА
РОЛЛАНА «PAR LA
RÉVOLUTION, LA PAIX» («ЧЕРЕЗ
РЕВОЛЮЦИЮ К МИРУ»),
PARIS, 1935

Экземпляр с дарственной надписью
И. И. Анисимову (перевод):
«Товарищу Анисимову преданный
ему Ромен Роллан. 18 мая 1935 г.»
Шмуцтитул
Собрание И. И. Анисимова,
Москва



Quant à votre projet de créer une plate-forme unique pour le mouvement révolutionnaire dans la littérature française, je ne vois pas très clairement ce que vous voulez faire. (Envoyez-moi les documents dont vous parlez. ²) Il va de soi que je sympathiserai avec toute tentative de groupement d'art révolutionnaire (au sens large et rénovateur). Mais je ne pourrai vous donner qu'un concours d'ordre consultatif, car mon temps, déjà réduit par ma santé, est dévoré par mes tâches. Je vous engagerais à vous adresser à mon ami Charles Vildrac, qui est, comme vous le savez, tout dévoué à la cause soviétique et dont le caractère beaucoup plus aimable que le mien et le grand succès littéraire unanimement reconnu lui permettraient d'agir directement dans les milieux de littérature et d'art très différents.

J'ai été bien touché de ce que vous me racontez de ce paysan de Karélie qui lisait *Jean-Christophe* à la lumière de la nuit boréale.

Bien cordialement à vous
Romain Rolland

P. S. Est-ce que votre revue ne paraît plus? Vous m'en avez envoyé un exemplaire en langue allemande, ce printemps, en me disant qu'il y avait quelque retard pour l'édition française. J'attendais d'être fixé sur le sort de la revue pour renouveler mon abonnement. Mais comme vous ne m'en donnez pas de nouvelles, je conclus que vous n'avez pas continué la publication. — Voudriez-vous m'en dire ce qu'il en est?³

P. P. S. Un conseil: quand vous avez quelque chose à me demander (article, réponse à enquête, etc.) — faites-le à l'avance autant que cela est possible; souvent je ne puis même pas répondre immédiatement à une lettre urgente; d'autant plus il m'est impossible de faire un article sans avoir eu le temps d'y réfléchir. De plus, je n'en ai jamais fait sur commande; tout ce que j'ai écrit, je l'ai écrit poussé par une nécessité intérieure. Si donc on a quelque chose à me demander, il faut me donner le temps d'absorber la question posée, de l'assimiler de façon à ce que *j'aie besoin* d'y répondre. — Et il y a de plus le côté purement extérieur: dans une vie extrêmement active et surchargée comme la mienne, il y a un manque de temps perpétuel, et c'est aussi pourquoi il faut tout me demander bien à l'avance (excepté, naturellement, dans des cas extrêmement graves, — comme celui de Karikas⁴, — où il fallait agir immédiatement). — Quant aux questions purement littéraires — écrivez-moi donc un ou deux mois à l'avance.

Перевод

Вильнёв, 22 сентября 1932 г.

Дорогой Бела Иллеш,

вы спрашиваете меня, какое влияние оказала на мое творчество Октябрьская революция. Если речь идет о моем литературном творчестве, то влияние это до настоящего времени мало ощутимо и, прибавлю, что иначе и не могло быть, если иметь в виду индивидуальный ритм моей работы. Все, что оказывает сильное влияние на мой разум и направляет мою деятельность, начинает проявляться далеко не сразу в моих литературных произведениях. Так бывало всегда на протяжении моего писательского пути. Должен сказать, что во время работы над «Жаном-Кристофом» я уже почти полностью покинул нравственную атмосферу, его породившую. Мне нужны долгие годы проникновения в такого рода атмосферу, чтобы создание произведения стало чем-то органичным. Вот почему можно сказать, что только в двух последних книгах романа, над которыми я сейчас работаю («Очарованная душа») и которые выйдут в свет нынешней зимой, в характерах, созданных мною на основе собственного опыта этих лет, получит отражение ход русской революции и ее влияние. Что касается меня лично, то я не стал ждать так долго и в многочисленных статьях выразил свой взгляд на эти события («Время» предполагает издать их в виде сборника к Октябрьской годовщине¹).

Что же касается вашего проекта создания единой платформы революционного движения во французской литературе, мне не совсем ясно, что вы собираетесь делать. (Пришлите мне документы, о которых говорите².) Само собой разумеется, что любая попытка объединения революционного искусства (в широком и новаторском смысле) встретит у меня сочувствие. Но лично я смогу быть вам полезен только своими советами, так как мое время, и без того уже ограниченное из-за состояния здоровья, целиком поглощено моими обязанностями. Я предложил бы вам обратиться к моему другу Шарлю Вильдраку, который, как вам известно, всей душой предан делу Страны Советов. Его характер, гораздо более приятный, чем у меня, и его большой литературный успех, признанный всеми единодушно, позволили бы ему действовать непосредственно в самых различных литературных и художественных кругах.

Я был очень тронут вашим рассказом о карельском крестьянине, читавшем «Жана-Кристофа» белыми ночами.

Сердечно преданный вам

Ромен Роллан

P. S. Разве ваш журнал больше не выходит? Вы прислали мне весной экземпляр на немецком языке, сообщив, что французское издание несколько задерживается. Я ждал точных сведений о судьбе журнала, чтобы возобновить подписку. Но раз вы ничего мне не пишете об этом, я заключаю, что издание вами прекращено. Сообщите, пожалуйста, в чем дело?³

P. P. S. Один совет: когда вы собираетесь о чем-нибудь попросить меня (о статье, ответе на анкету и т. п.), делайте это по возможности заблаговременно; я часто не

в состоянии сразу ответить даже на срочное письмо; тем более мне очень трудно писать статью, не имея достаточно времени для размышлений. Кроме того, я никогда не писал по заказу: все написанное мною было вызвано внутренним побуждением. Поэтому если меня хотят о чем-либо попросить, надо дать мне время вникнуть в поставленный вопрос, настолько освоиться с ним, чтобы я *почувствовал необходимость* на него ответить. Помимо этого, есть и чисто внешняя сторона: при такой деятельной и напряженной жизни, как моя, мне постоянно не хватает времени — вот почему меня следует обо всем просить заблаговременно (за исключением, разумеется, особо важных случаев — таких, например, как дело Карикаша ⁴, когда нужно было действовать без промедления). По чисто литературным вопросам пишите мне за месяц или за два вперед.

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 7—7 об. Часть этого письма (до слов «Что же касается вашего проекта») была опубликована в «Литературе мировой революции», 1932, № 9-10, стр. 145, под рубрикой «Отклики на 15-ю годовщину Октября» с подзаголовком «О романе „Очарованная душа“ (Письмо в МОРП)». — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Сборник статей Роллана появился на русском языке под названием «На защиту нового мира». М.—Л., 1932.

² Эти документы неизвестны.

³ См. примеч. 4 к предыдущему письму.

⁴ Ф. Карикаш после возвращения из эмиграции в Венгрию был арестован и подвергся суровому тюремному заключению. Роллан имеет в виду международную кампанию за его освобождение.

8. Б. ИЛЛЕШ — Р. РОЛЛАНУ

Moscou, le 14.XII.32

Cher camarade Rolland,

Quoique je n'ai pas reçu de réponse à ma dernière lettre du 9.XI, je me permets de m'adresser à vous de nouveau. Je vous envoie encore une fois l'article de Barbusse dans la traduction allemande ¹. Les relations entre l'A.E.A.R. et Barbusse ont pris un caractère tout à fait normal ². Vailant-Couturier vous a écrit sur ce sujet avec plus de détails et je ne veux pas répéter ce qu'il vous a déjà probablement dit.

Maintenant nous vous prions de bien vouloir organiser une protestation contre l'arrestation de l'écrivain allemand Ludwig Renn ³, l'auteur des romans *Guerre* et *l'Après-Guerre*, que vous connaissez. Il a été arrêté pendant la perquisition faite à l'école ouvrière marxiste. Pour le moment il est à Moabit (la prison centrale de Berlin).

Nous vous prions d'envoyer un télégramme de protestation au ministre de la justice à Berlin et de nous envoyer la copie.

Перевод

Москва, 14.XII.32

Дорогой товарищ Роллан,

хотя я не получил ответа на мое последнее письмо от 9.XI, позволю себе снова обратиться к вам. Посылаю вам вторично статью Барбюса в немецком переводе ¹. Отношения между АЕАР и Барбюсом приняли вполне нормальный характер ². Вайян-Кутюрье писал вам об этом более подробно, и мне не хочется повторять то, что он вам, вероятно, сообщил.

Сейчас мы просили бы вас организовать кампанию протеста в связи с арестом немецкого писателя Людвиг Ренна ³, автора романов «Война» и «После войны», которые вам известны. Он был арестован во время облавы на марксистскую рабочую школу. В настоящее время он в Моабите (центральной берлинской тюрьме).

Мы просим вас послать телеграмму протеста министру юстиции в Берлин, а нам переслать копию.

Машинописная копия. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 11. — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й. На письме надпись Роллана: «Copie de votre lettre reçue par moi le 20.XII» («Копия вашего письма, полученного мною 20.XII»). Копия эта была послана Ролланом Иллешу при письме от 21 декабря 1932 г.

¹ Вероятно статья «Призыв к друзьям „Monde“» («Monde», 1932, № 210 и 214).

² Барбюс был в Москве в 1932 г. на праздновании юбилея А. М. Горького. Личные беседы Барбюса с членами секретариата МОРПА прояснили многие сложные вопросы, касающиеся журнала «Monde». Вскоре Барбюс стал принимать участие в деятельности МОРПА и АЕАР (см. об этом выше, на стр. 232—234 настоящ. тома).

³ Л. Ренн был арестован германскими властями в декабре 1932 г. по вымышленному обвинению в государственной измене (см. также п. 9).

9. Б. ИЛЛЕШУ

Villa Olga, Villeneuve, Vaud (Suisse)
21 décembre 1932

Mon cher camarade,

Je reçois votre lettre *non-recommandée* du 14.XII, dont ci-joint copie pour vous la remémorer ¹.

Je n'ai pas reçu votre lettre du 9.XI.

Je n'ai pas reçu l'article de Barbusse en traduction allemande. Je ne l'ai pas reçu non plus dans votre nouvel envoi annoncé.

Je n'ai pas reçu la lettre de Vaillant-Couturier dont vous me parlez.

Je ne sais rien de l'affaire de Renn que ce que vous m'en dites ici.

J'écris la lettre ci-jointe au Ministre de la Justice à Berlin ².

Je vous prie expressément:

1° de recommander toutes vos lettres (car il est évident qu'elles sont filtrées en route);

2° de toujours m'exposer clairement par lettre les faits auxquels vous désirez que je m'intéresse: car je ne puis agir, sans savoir exactement de quoi il est question. Cela serait aussi contraire à mes principes que nuisible à l'intérêt de la cause, car on ne peut soutenir efficacement une cause qu'en voyant clair.

Cordialement à vous

Romain R o l l a n d

P. S. Ainsi que je vous l'ai déjà demandé, usez seulement avec moi des *lettres recommandées, non des télégrammes*, — sauf les cas d'extrême urgence.

Перевод

Вилла Ольга, Вильнёв, Во (Швейцария)
21 декабря 1932 г.

Дорогой товарищ,

я только что получил ваше *незаказное* письмо от 14.XII, копию которого прилагаю, чтобы вам его напомнить ¹.

Я не получал вашего письма от 9.XI.

Я не получил статьи Барбюса в немецком переводе. Я не получил ее и с вашим последним письмом, в котором вы о ней упоминаете.

Я не получил письма Вайяна-Кутюрье, о котором вы пишете.

Я ничего не знаю о деле Ренна, кроме того что вы мне о нем теперь сообщаете.

Я написал министру юстиции в Берлин прилагаемое письмо ².

Убедительно прошу вас:

1. Отправлять все ваши письма заказными (так как очевидно, что их процеживают в пути).

2. Всегда ясно излагать в письмах факты, которыми вы хотите меня заинтересовать, так как я не могу ничего предпринимать, не зная точно сути вопроса. Это противоречило бы моим принципам столько же, сколько вредило бы интересам дела, ибо оказывать существенную поддержку делу можно только тогда, когда его ясно себе представляешь.

Сердечно преданный вам

Ромен Р о л л а н

P. S. Как я уже просил вас, пользуйтесь при переписке со мной *только заказными письмами, а не телеграммами*, — кроме самых срочных случаев.



РОМЕН РОЛЛАН В МОСКВЕ. ВСТРЕЧА НА БЕЛОРУССКОМ ВОКЗАЛЕ
 Рядом с Ролланом (справа налево) — М. П. Роллан, А. Я. Аросев, С. М. Третьяков
 Фотография, 23 июня 1935 г.
 Собрание В. П. Нечаева, Москва

Машинопись с авторской правкой и автографической подписью. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 9.— Перевод Т. В. Балашовой.

¹ См. выше публикацию этого письма (№ 8).

² К письму Роллана приложена копия следующего его обращения:

AU MINISTRE DE LA JUSTICE à BERLIN

Monsieur le Ministre,

L'arrestation de Ludwig Renn cause une vive émotion parmi les intellectuels. La haute valeur de l'écrivain, la sincérité de l'homme qui a franchement exposé au monde le drame de sa conscience, et qui, pour obéir à celle-ci, a renoncé aux avantages d'une vie privilégiée et s'est exposé à toutes les rancunes, lui valent le respect.

Nous demandons sa libération.

Agréez ...

R. R.

Перевод

МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ В БЕРЛИН

Господин министр,

арест Людвиг Ренна вызывает среди интеллигентов сильное беспокойство. Его значение как выдающегося писателя, его искренность как человека, который чисто-сердечно открыл всему миру драму своей совести и, повинаясь ее велению, отказался от преимуществ привилегированной жизни и обрек себя на всяческие нападки, заслуживают полного уважения.

Мы требуем его освобождения.

Примите...

Р. Р.

10. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), 18 mai 1933

Cher Béla Illès,

J'ai bien reçu votre lettre collective du 29 avril; mais le projet d'appel ¹ que vous m'y annoncez et qui devait m'arriver deux jours après, ne m'est jamais parvenu.

Au reste, le projet de comité d'aide aux écrivains allemands émigrés est peut-être devenu superflu, à présent que se sont fondés à Paris plusieurs

comités d'aide efficaces, — en premier lieu: le «Comité d'aide aux émigrés et réfugiés d'Allemagne pour des raisons politiques, raciales ou confessionnelles», qui a pour président d'honneur le prof. Langevin et A. Einstein (secrétariat: Henri Faron, 10-bis, rue Paul Baudry, Paris 8^e; siège social: 28, rue de l'Annonciation); et le «Comité d'aide aux luttes contre le fascisme hitlérien» dont le secrétaire est notre ami Francis Jourdain—26, rue Vavin, Paris, 5^e.

J'ai adressé nombre d'appels contre le fascisme hitlérien et contre l'antisémitisme en Allemagne. Les plus récents sont une *Lettre ouverte à la Kölnische Zeitung* (15 mai), en réplique à un article où elle me mettait en cause², — et un *Appel à la Jeunesse* (17 mai)³ (en vue du *Congrès International des jeunes gens contre le fascisme et contre la guerre*, qui doit se tenir en août⁴). Je viens d'envoyer copie à Gorki et à *Voks*. — Le dernier *Appel à la Jeunesse*, qui est violent contre le fascisme, l'est aussi contre les nationalismes qui se servent de lui comme prétexte contre lui, en réveillant la haine entre les peuples. J'ai pris pour «motif» de mon Appel ces mots: «*Le nationalisme, voilà l'ennemi!*»

Bien cordialement à vous

Romain Rolland

Перевод

Вильнёв (Во), 18 мая 1933 г.

Дорогой Бела Иллеш,

ваше коллективное письмо от 29 апреля я получил, но проект обращения¹, о котором вы меня известили и который должен был прийти двумя днями позже, так до меня и не дошел.

Впрочем, проект Комитета помощи немецким писателям-эмигрантам теперь, пожалуй, стал излишним, поскольку в Париже создано несколько действительных комитетов помощи, — в первую очередь «Комитет помощи эмигрантам и лицам, вынужденным покинуть Германию по политическим, расовым или религиозным причинам», почетными председателями которого являются проф. Ланжевен и А. Эйпштейн (секретариат: Анри Фарон, Париж 8, ул. Paul Baudry, 10 bis; социальный отдел: ул. Annonciation, № 28) и «Комитет помощи борьбе против гитлеровского фашизма», секретарем которого является наш друг Франсис Журден, Париж, 5, ул. Vavin, № 26.

Я много раз выступал в печати с обращениями, направленными против гитлеровского фашизма и против антисемитизма в Германии. Последнее из них — «Открытое письмо в „Kölnische Zeitung“» (15 мая), в ответ на статью, в которой газета задела меня², — и «Призыв к Молодежи» (17 мая)³ (в связи с *Международным конгрессом молодежи против фашизма и войны*, который должен состояться в августе⁴). Недавно я послал копию последнего Горькому и в *ВОКС*. — Этот «Призыв к Молодежи», содержащий резкое осуждение фашизма, направлен и против тех видов национализма, которые под предлогом борьбы против фашизма используют его для пробуждения взаимной ненависти между народами. «Лейтмотивом» своего Призыва я взял следующие слова: «*Национализм — вот враг!*»

Сердечно преданный вам

Ромен Роллан

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 13—13 об. — Перевод Т. В. Балашовой.

¹ Проект обращения о помощи немецким писателям-эмигрантам в архиве Роллана не обнаружен.

² В № 251 «Kölnische Zeitung» от 9 мая 1933 г. была помещена статья, в которой ставилась под сомнение искренность любви Роллана к Германии. Открытое письмо Роллана в редакцию этой газеты, датированное 14 мая 1933 г., опубликовано в «Еurore» от 15 мая 1933 г. и вошло в сборник «Quinze ans de combat» (P., 1935, p. 205—206). Русский перевод см. в т. 13 Собр. соч. Роллана, стр. 351—353. Подтверждая свою любовь к подлинной Германии, Роллан указывал, что национал-фашистская Германия — «злейший враг подлинной Германии, ее отрицание».

³ «Призыв к Молодежи» («Appel à la Jeunesse»), датированный 17 мая 1933 г., появился в июньском номере «Еurore» 1933 г., а затем в сборнике «Quinze ans de combat», p. 207—209. Русский перевод см. в Собр. соч. Р. Роллана, т. 13, стр. 353—355.

⁴ Международный конгресс молодежи против фашизма и войны открылся в Париже 22 сентября 1933 г.

11. С. ДИНАМОВУ

19 septembre 1933

Cher camarade,

Je n'ai malheureusement pas d'article sur le sujet dont vous me parlez, excepté quelques lignes que j'ai données au *Gegenangriff*¹. Il y aurait bien la lettre que j'ai écrite au procureur de Leipzig², — mais c'est déjà du passé. Je ne pense pas qu'il soit intéressant de la publier maintenant.

Si plus tard je fais un article sur les événements en question, je vous l'enverrai³.

Bien cordialement

Romain Rolland

Перевод

19 сентября 1933 г.

Дорогой товарищ,

к сожалению, статьи на указанную вами тему у меня нет, если не считать нескольких строк, переданных мною в «Gegenangriff»¹. Есть, правда, письмо, которое я написал лейпцигскому прокурору², но это уже дело прошлое. Не думаю, чтобы публикация этого письма представляла бы сейчас интерес.

Если я напишу впоследствии статью об этих событиях, то пришлю ее вам³.

С сердечным приветом

Ромен Роллан

Машинопись с авторской подписью. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 44, л. 1. — Перевод Л. Р. Ланского.

¹ В газете «Gegenangriff» было напечатано открытое письмо Роллана по поводу Лейпцигского процесса. В собрания сочинений и сборники статей Роллана оно не вошло.

² Письмо Роллана к верховному прокурору имперского суда по поводу процесса Г. Димитрова см. в кн.: Г. Димитров. Лейпцигский процесс. Речь, письма, документы. М., 1961, стр. 356—358.

³ О публикации произведений Роллана в «Интернациональной литературе» см. ниже, в обзоре «Периодические издания МБРЛ и МОРПА».

12. Л. МУССИНАКУ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
17 octobre 1933

Cher Léon Moussinac,

Je suis bien en retard pour vous remercier de votre lettre amicale de septembre¹. Excusez-moi! Je voulais avoir lu les numéros de la *Littérature Internationale* que vous m'avez envoyés (le № 1^{er}, le № 2-3); et le temps me manquait².

Mon impression est très bonne, dans l'ensemble. Sans doute, la valeur des articles ou fragments est fort inégale. Mais l'ensemble est substantiel et vivant. Et certains morceaux sont remarquables.

Je n'ai pas besoin de dire l'importance de la collaboration de Gorki³, et de celle — posthume — de Maïakovsky. (La traduction du puissant *A pleine voix* s'imposait; et je félicite Aragon d'y avoir travaillé.)⁴

Les romans de travail (d'usines ou de culture agricole) ne sont pas toujours réussis. Il y manque habituellement deux choses (dont l'une pourrait suffire; mais l'une au moins est essentielle); ou bien l'intensité de l'accent subjectif, — ou bien la curiosité objective et la pénétration des autres caractères et de leur association, non sans heurts⁵. — J'ai été très intéressé par un vaste essai panoramique comme *Kara-Bougaz* de Paustovski, dont le pivot est la terre — un coin de terre qui se développe à travers le temps; il y a là quelque chose de nouveau, qui prêterait plus tard à un genre épique original⁶.

Un des sujets qui y sont accessoirement traités (ainsi que dans le récent roman d'Ilya Ehrenburg: *Le deuxième jour de la Création*, qui, je crois,

n'est pas encore paru en russe, et, à mon avis, devrait l'être ⁷⁾, touche particulièrement les hommes de pensée, à qui s'adresse en premier lieu la *Littérature Internationale* — c'est à savoir, les rapports de ces hommes de pensée (savants, etc) avec la Révolution et le travail prolétarien, — et comment les plus sincères sont fatalement amenés à sortir de leur isolement et de leur science pure, pour s'enrôler dans la grande Armée. Je crois qu'il y aurait bien d'y insister.

Pourquoi les écrivains et artistes d'Occident qui, comme Aragon, ont eu le privilège de prendre part à certains des grands mouvements de construction soviétique et qui en ont ressenti profondément l'émotion, ne publient-ils pas leur journal de ce temps — tout simple, tout direct? Je suis certain que ces expériences immédiates auraient un effet sur les intellectuels d'Occident.

Il me semble que vous auriez aussi intérêt à publier comme on l'a fait dans la *Nouvelle Revue Française*, mais avec un choix plus large et plus significatif, des lettres-confessions de jeunes hommes, de jeunes femmes, de travailleurs soviétiques.

En général, suscitez, dans votre revue, les élans, les espoirs, les énergies, les flots de vie nouvelle qui soulèvent les meilleurs, les plus féconds, les plus ardents de la jeunesse prolétarienne.

Je vous serre la main affectueusement et j'adresse mon salut fraternel à l'U.I.E.R. Il va de soi que si, dans ce que j'écris par la suite, je trouve des pages susceptibles d'intéresser la revue, je me ferai un plaisir de les lui envoyer.

Ваше преданное
Romain Rolland

Перевод

17 октября 1933 г.

Дорогой Леон Муссиак,

с большим опозданием благодарю вас за ваше дружеское сентябрьское письмо ¹⁾. Простите! Мне хотелось сначала прочесть присланные вами номера «*Littérature Internationale*» (№ 1 и 2-3), но все не хватало времени ²⁾.

В общем они произвели на меня хорошее впечатление. Конечно, ценность статей и отрывков не везде одинакова. Но в целом все это живо и содержательно. А некоторые вещи замечательны.

Надо ли подчеркивать значение сотрудничества Горького ³⁾ и — посмертно — Маяковского? (Перевод мощного произведения «Во весь голос» был настоятельно необходим; поздравляю Арагона с осуществлением этой работы ⁴⁾.)

Романы о труде (заводском или сельскохозяйственном) не все удачны. Как правило, им недостает двух качеств (из которых было бы достаточно и одного, но одно-то уж обязательно): нужна либо напряженность субъективного чувства, либо интерес к внешнему миру, проникновение в характеры, в их взаимоотношения, подчас далеко не гладкие ⁵⁾. Меня, например, сильно заинтересовала широкая панорама, развернутая в очерке Паустовского «Карабугаз»; основа его — земля, уголок земли, развивающийся вместе со временем; в этом есть нечто новое, что в дальнейшем могло бы дать начало оригинальному эпическому жанру ⁶⁾.

Одна из тем, затронутых здесь мимоходом (как и в недавнем романе Ильи Эренбурга «День второй», который, кажется, еще не появлялся на русском языке, но, с моей точки зрения, заслуживает этого) ⁷⁾, особенно важна интеллигенции, к которой, в первую очередь, обращается «*Littérature Internationale*» — речь идет об отношении интеллигентов (ученых и т. п.) к Революции и к труду пролетариев, о том, как самые искренние из них должны неизбежно выйти из состояния изоляции и из сферы чистой науки, чтобы вступить в ряды великой Армии. Я думаю, что об этом следовало бы настойчиво напоминать.

Почему писатели и художники Запада, которым, как, например, Арагону, удалось принять участие в некоторых крупных советских стройках и которые глубоко прочув-

ствовали их волнующую силу, не публикуют своих дневниковых записей того времени — самых простых, самых непосредственных? Я уверен, что эти живые впечатления оказали бы глубокое воздействие на западную интеллигенцию.

Думается также, что вам стоило бы, подобно тому, как это делалось в «Nouvelle Revue Française», помещать письма-исповеди юношей, молодых женщин, советских трудящихся, но с более широким отбором самого примечательного.

В общем, возбуждайте своим журналом порывы, надежды, силы, подхватывайте потоки новой жизни, которые увлекают самую лучшую, самую творческую, самую пылкую часть пролетарской молодежи.

Горячо жму вашу руку и шлю свой братский привет МОРПу.

Само собой разумеется — если среди того, что я напишу, найдутся страницы, способные заинтересовать журнал, я с удовольствием пошлю их вам.

Преданный вам

Ромен Р о л л а н

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1—2 об.— Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й. Напечатано с сокращениями и без указания адресата в «Интернациональной литературе», 1933, № 6, стр. 147.

¹ Муссинак находился в это время в Москве. Об отношении Роллана к Муссинaku можно судить по следующему фрагменту из неизданных дневников Роллана:

«Moussinac est un des hommes que j'estime le plus dans le parti... il est un intellectuel qui se dévoue avec la plus constante abnégation et une activité sans relâche aux Editions Sociales Internationales, a l'hebdomadaire Regards, au Bureau d'Editions Sociales et de beaucoup d'autres publications <...> Il donne une impression de loyauté virile et de tranquille énergie. Il est un des très rares avec qui nous pouvons causer sans réticences, des hommes que nous connaissons, sans craintes de fausses ou malveillantes interprétations. On est avec lui d'autant plus libre qu'on se sent sûr d'avoir le même zèle pour la grande cause commune, quelles que soient les erreurs ou les fautes de ceux qui la servent» («Муссинак — один из тех членов партии, которых я особенно уважаю <...> Это интеллигент, всецело, с неослабевающей самоотверженностью и неизменной активностью отдающий себя работе в «Editions Sociales Internationales», еженедельнике «Regards», бюро «Editions Sociales» и многих других изданиях <...> В нем ощущается мужественная прямота и спокойная энергия. Он один из немногих, кого мы хорошо знаем, с кем можно говорить откровенно, не опасаясь ошибочных или предвзятых суждений. С ним чувствуешь себя тем свободнее, чем больше ты уверен в собственной самоотверженности во имя великого общего дела, каковы бы ни были ошибки тех, кто ему служит» («Дневник»). Запись от 11 сентября 1938 г.— Парижский архив Роллана).

² Номера французского издания «Интернациональной литературы».

³ В первом номере «Littérature Internationale» была помещена речь Горького, произнесенная на торжественном заседании в Большом театре (Москва), под заглавием «Как я работаю».

⁴ Вступление к поэме «Во весь голос» Маяковского в переводе Эльзы Триоле и Л. Арагона с большой вводной статьей и подробным комментарием Арагона было напечатано в № 2-3 журнала.

⁵ В № 2-3 были опубликованы «Три сказки» Вс. Иванова, очерки Ф. Панферова и В. Ильенкова «Кокс, люди, кирпич», Е. Габриловича «1930» — о колхозах Татарии, М. Чумандрина «Белый камень» — о жизни крупного завода.

⁶ Повесть К. Паустовского «Карабугаз» опубликована в № 1 «Littérature Internationale».

⁷ «День второй» И. Эренбурга вышел в Париже в 1933 г. В Советском Союзе книга была издана год спустя — в 1934 г. (см. комментарий к п. 14).

13. А. КУРЕЛЛЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
Lundi, 23 octobre 1933

Cher Kurella,

Je ne connais pas le pamphlet de Binding¹; mais on m'en a parlé. (Est-ce donc un autre que celui, publié, avec d'autres écrivains nazi, en une brochure?) Pourriez-vous me le communiquer? Mais il est très peu probable que j'y réponde. Je répugne à ces duels de plume. C'est attacher trop d'importance aux polémiques personnelles; et l'on en prête ainsi à des adversaires sans relief. Mieux vaut se réserver pour des occasions plus hautes.

(Entre parenthèses, il serait extrêmement souhaitable que vous trouviez, parmi nos intellectuels de moins de cinquante ans, des champions prêts à entrer en lice. N'en est-il pas? Que font-ils donc? Ce sont toujours les mêmes — les mêmes barbons—qui défilent! La figuration est trop réduite...)

Pour mes deux derniers volumes de roman, je regrette beaucoup que vous m'en parliez si tard; le premier des deux (celui qui eût offert le plus de fragments à publier) va paraître ces jours-ci, — peut-être cette semaine: il est trop tard pour en rien donner dans une revue. Et le second volume se prête très mal aux fragments. En voici trois pages. C'est bien peu! Mais je ne vois pas comment détacher du livre des épisodes².

Je ne songe pas à publier pour le moment, — mais plus tard, — un choix de mes journaux du temps de la guerre³. Pour cette année je voudrais d'abord rassembler mes principaux articles, de 1919 à 1933⁴, et y ajouter un commentaire, qui soit à la fois une sorte de confession publique et de réquisitoire contre les intellectuels qui ont trahi ou abdiqué. Ce commentaire (dont je n'ai encore rien écrit) reviendrait, de droit, à *Europe*, qui a publié la 1^{ère} partie de cet «Examen», sous le titre de *Adieu au Passé*⁵. — Mais je vous promets de réserver à *Monde* ce que je trouverai dans mes papiers qui soit de nature à vous intéresser.

Je ne suis collaborateur régulier à aucune revue, même à *Europe*, dont j'ai été un peu l'un des fondateurs, et qui publie assez souvent de mes articles⁶, mais je vous promets de communiquer à *Monde* le meilleur de mon activité épistolaire, portant sur des sujets sociaux ou politiques. Certainement, je m'intéresserai, personnellement, davantage à cette revue, maintenant que je sais que vous vous en occupez.

Nous avons été très heureux de votre bonne visite⁷ et nous vous prions de transmettre à Madame Kurella nos cordiales amitiés. Croyez-moi, je vous prie, votre sincèrement dévoué

Romain R o l l a n d

На конверте:

France

Monsieur Alfred Kurella

à la rédaction de *Monde*

37, rue Joubert

Paris

Exp. Romain Rolland, Villeneuve (Vaud)

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
Понедельник, 23 октября 1933 г.

Дорогой Курелла,

я не читал памфлета Биндинга¹, но мне о нем говорили. (Это, очевидно, иной, не тот, что был опубликован в одной брошюре со статьями других писателей-нацистов?) Не можете ли вы прислать мне его? Однако маловероятно, что я на него отвечу. Мне претят эти дуэли на перьях. Это значило бы придавать слишком большое значение личным спорам, а тем самым и ничтожным противникам. Лучше приберечь силы для более серьезных случаев.

(Замечу в скобках: было бы весьма желательно, чтобы вы отыскивали борцов, готовых вступить в полемику, среди наших интеллигентов, помоложе пятидесяти. Разве таких нет? Чем же они заняты? А то всё дефилируют одни и те же старикашки! Не маловато ли действующих лиц?..)

Что же касается двух последних томов моего романа, то я очень сожалею, что вы сказали мне об этом так поздно: первый том (тот, из которого легче было бы взять отрывки для публикации) должен на днях выйти в свет — быть может, даже на этой неделе: слишком поздно печатать что-нибудь из него в журнале. А из второго тома очень трудно что-либо извлечь. Вот три страницы из него. Конечно, этого мало! Но я не представляю себе, как вырвать из этой книги отдельные эпизоды².

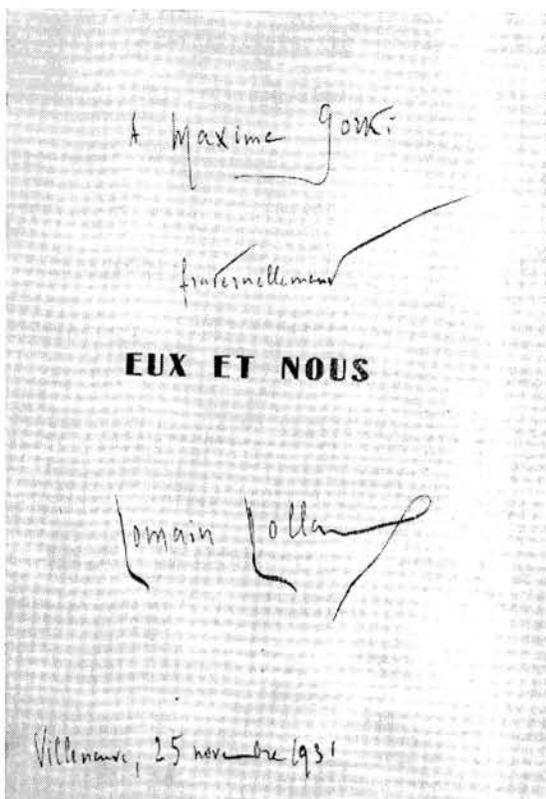
В настоящее время я не собираюсь публиковать выдержки из моих дневников военных лет³ — сделаю это позднее. В нынешнем году я хотел бы прежде всего собрать

«EUX ET NOUS» («ОНИ И МЫ»),
PARIS, 1931 (СБОРНИК СТАТЕЙ
А. М. ГОРЬКОГО, ИЗДАНЫЙ
НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ РОМЕНА
РОЛЛАНА)

Экземпляр с дарственной надписью
Р. Роллана (перевод):

«Максиму Горькому братски Ромен
Роллан. Вильнёв, 25 ноября 1931 г.»
Шмуцитул

Архив А. М. Горького, Москва



свои основные статьи с 1919 по 1933 г. ⁴ и добавить к ним комментарий, который явился бы чем-то вроде публичной исповеди и в то же время обвинительной речью против интеллигентов, ставших предателями или отступниками. Этот комментарий (который даже еще не начат) по справедливости предназначен для журнала «Еигоре», опубликовавшего 1-ю часть этого «Пересмотра» под заглавием «Прощание с прошлым»⁵. Но я обещаю вам приберечь для «Monde» то, что из найденного в моих бумагах по своему характеру сможет вас заинтересовать.

Я не являюсь постоянным сотрудником ни одного журнала — даже «Еигоре», одним из основателей которого в известной мере я был и который довольно часто печатает мои статьи ⁶; но я вам обещаю посылать в «Monde» самое ценное из моих писем на общественные и политические темы. Конечно, я теперь буду больше интересоваться этим журналом, зная, что им занимаетесь вы.

Мы были чрезвычайно рады вашему доброму визиту ⁷ и просим вас передать госпоже Курелла наши сердечные и дружеские пожелания. Прошу верить моей искренней преданности.

Ромен Р о л л а н

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1—3.— Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Открытое письмо Р. Биндинга — «Ответ немца миру», впервые напечатанное в «Frankfurter Zeitung» в мае 1933 г., было издано в том же году в виде брошюры: Rudolf Georg B i n d i n g. Antwort eines Deutschen an die Welt. Frankfurt am Main, 1933. Роллан отмечал в «Quinze ans de combat», что группа немецких писателей открыла в 1933 г. против него наступление: «...Самым известным из них был Рудольф Г. Биндинг. Все они объединились в одной воинственной брошюре, опубликованной моими немецкими издателями „Жана-Кристофа“, добрыми франкфуртцами, осторожными буржуа. Я не отвечал» (р. LXXVII).

² В № 5 «Интернациональной литературы» за 1933 г. опубликован отрывок из «Провозвещения» — «Рождение».

³ Отрывки из «Дневника военных лет» были опубликованы в № 19 журнала «Сом-шине», 1935 г. (март — апрель).

⁴ См. примеч. 5 к п. 5.

⁵ Введение к книге «Quinze ans de combat» — «Панорама» — было впервые опубликовано в трех первых номерах журнала «Еurore», 1935 г. На русском языке появилось в «Красной нови», 1935, № 1, стр. 5—31 под названием «Боевые годы».

⁶ Инициаторами создания журнала «Еurore» в 1922 г. и его редакторами в первые годы были Ж. Дюамель, Л. Дюртен и Р. Аркос. Один из первых номеров — специальный выпуск — был посвящен Роллану — «духовному отцу» журнала, редакция которого поддерживала с писателем самые прочные связи. Памяти Роллана было посвящено два двойных номера «Еurore»: 1955 (январь — февраль) и 1965 (ноябрь — декабрь).

⁷ В 1932 г. Курелла приезжал из Парижа, где он тогда жил, в Швейцарию. Он дважды был в гостях у Роллана.

14. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve, le 13 novembre 1933

Cher Kurella,

J'ai été très touché de l'article de Lucie River (qui est-ce?). Merci à elle et à vous ¹.

Vous m'aviez annoncé que *Monde* publierait ma lettre sur le dernier roman de Ehrenburg, ou s'en servirait en rendant compte de ce livre, et je l'avais annoncé à Ehrenburg. Rien n'a paru. Je me trouve un peu gêné vis à vis de lui. Vous me feriez plaisir en ne remettant pas trop ².

Cordialement

Romain Rolland

Перевод

Вильнёв, 13 ноября 1933 г.

Дорогой Курелла,

я был очень тронут статьей Люси Ривер (кто это?). Спасибо ей и вам ¹.

Вы сообщили мне, что «*Monde*» опубликует мое письмо о последнем романе Эренбурга или воспользуется этим письмом, дав отзыв об этой книге, и я известил об этом Эренбурга. Ни то, ни другое не появилось. Я чувствую себя перед ним несколько неловко. Мне будет приятно, если вы не слишком затянете это дело ².

С сердечным приветом

Ромен Роллан

Машинопись с авторской правкой и автографической подписью. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 19, л. 4.— Перевод Л. Р. Ланского.

На письма от 23 октября и 13 ноября Курелла ответил 17 ноября 1933 г.: «Да, вы совершенно правы, говоря мне, что мы должны постараться вовлечь в нашу борьбу новое поколение мыслителей и писателей. Этим я и намерен был заняться с самого начала, как только принял на себя труд, доверенный мне Барбюсом. К сожалению, до настоящего времени никто из наших сторонников не вступал в серьезную дискуссию со всем этим поколением молодых мыслителей, которые, несмотря ни на что, заняты поисками выхода <...> *Не могли ли бы вы сформулировать для печати то, что написали мне по этому поводу?* Уверен, что это могло бы оказать огромное влияние». Далее Курелла горячо убеждал Роллана отозваться на выступление Биндинга: «Вы, собственно, ответите не Биндигу, а тысячам *добрых* немцев, которые лишь временно, а не навсегда стали жертвами „национального пробуждения“». В заключение Курелла сообщил, что Люси Ривер — псевдоним молодой полки (дочери польской переводчицы Ольги Гальперн), работающей в качестве машинистки-переводчицы во «Всемирном комитете борьбы против войны и фашизма», и что она является восторженной почитательницей творчества Роллана (фотокопия с этого письма передана «Литературному наследству» Куреллой.— Перевод с французского).

¹ В еженедельнике «*Monde*» № 283 от 4 ноября 1933 г. была напечатана статья Люси Ривер «От „Жана-Кристофа“ до „Очарованной души“». Автор дал высокую оценку Роллану как художнику, психологу и гуманисту. Роллан продолжает двигаться вперед, писала Ривер, и единственное, что в нем остается неизменным — это вера в добро и искренность. Люди, изображенные Ролланом, — не абстракции, не марionетки, а обыкновенные живые личности. Вот почему после чтения его книг мы понимаем, что обогатили себя знаниями и чувствами и что мы находимся «под влиянием этого ясновидящего ума, знающего и любящего жизнь, желающего, чтобы мы стали лучше, добрее, смелее, решительнее». Произведения Ромена Роллана и прежде всего „Оча-

рованная душа“,— заключает Ривер,— это прототипы новой литературы — единственной литературы, которая в наши дни имеет право на существование».

² Курелла выполнил настойчивую просьбу Роллана и напечатал следующую выдержку из письма Роллана к Эренбургу:

«Я только что прочел ваш „День второй“. Это самая прекрасная из прочитанных мною книг, самая содержательная, самая независимая — о новом племени строителей. Это книга редчайшего ума — ума подвижного, ума, который постигает жизнь множества людей, охватывая все ее проявления, а затем созерцает „день творения“ во всей его совокупности. Давно уже ждал я, надеялся я на появление подобной книги. И вот она появилась — поздравляю вас и радуюсь. Да распространится она по обе стороны Стройки. Ей предстоит рассеять немало недоразумений, как у нас, так и у вас. Она помогает делу революции, не только раскрывая на него глаза другим, но и ему самому. Не говорю уже о том, как прекрасно выполнен этот труд. Я восхищаюсь свободой, с которой вы обращаетесь со столь неподатливым материалом, и ясностью, которую вы в него вносите. Дружески жму вашу руку. Ромен Роллан» («Monde», № 286, 25 ноября. Перепечатано с небольшими сокращениями в объявлении издательства «Nouvelle Revue Française» о выходе французского перевода романа в «Monde», № 287-288 от 9 декабря 1933 г.).

Письма Роллана к Эренбургу не сохранились. В ответ на запрос по поводу этого письма, И. Г. Эренбург сообщил в мае 1967 г.: «В третьей части „Люди, годы, жизнь“ у меня написано: „Я получил длинное письмо от Романа Роллана; он писал, что „День второй“ помог ему лучше узнать советскую молодежь“. Я, конечно, помнил, что письмо Романа Роллана было большим — примерно, на шестнадцать страницах. Оно было сожжено со всем моим архивом при приходе немцев в Париж. Письмо было очень лестным, и потому в книге воспоминаний я мог ограничиться только короткой мало-значащей фразой. Отрывок из письма, опубликованный в „Monde“, я прочитал с волнением и смущением» (письмо к Л. Р. Ланскому, переславшему Эренбургу выявленный им в «Monde» отрывок из этого письма). Эренбург упоминает о письме Роллана и на стр. 364 книги «Люди, годы, жизнь». М., 1963. В другом месте он указывает, что в этом письме Роллан «восторженно отзывался» о «Конармии» Бабеля (стр. 130).

30 декабря 1933 г. Роллан писал М. Горькому: «Я прочел с большим интересом „Второй день творения“ Ильи Эренбурга. По-моему, это лучшая из его книг и самая живая из книг о советском строительстве <...>, это произведение, искреннее и стремящееся к объективности, мощно служит Советской Революции» («Архив А. М. Горького», т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, стр. 353).

15. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
4 décembre 1933

Cher Kurella,

Merci de votre lettre!

Je vous envoie, ainsi qu'à Lucie River, le dernier volume de *l'Annonciatrice*, que je viens de recevoir. Je crains qu'il vous touche moins que le précédent. La trajectoire des personnages que j'avais posés (ou qui s'étaient imposée à moi), dès le début, ne me permettait pas d'aller plus avant. Si j'étais l'auteur de *Monte-Cristo* (jadis un de mes parents de province confondait avec *Monte-Cristo* mon *Jean-Christophe*, — qu'il n'avait pas lu) — je remettrais au fils de Marc de reprendre le fil du récit, — *«Vingt ans après»*, — comme Bragelonne. — Mais il me faudrait aller en U.R.S.S. — et non pas en voyage, mais pour m'y établir et pour en partager ses destins, comme fera certainement le fils de Marc.

Vous me demandez ce qu'il en est de l'édition allemande. L'édition de Stuttgart *Engelhorn, Nachfolger* s'est refusée de publier les 3 derniers volumes, avant un temps indéfini; et comme je revenais à la charge, voici les conditions matérielles qu'il pose de son désistement. (Voici copie ci-jointe d'un fragment important de sa lettre.) — La première question est de savoir si, *légalement*, un éditeur allemand a le droit de ne pas publier un ouvrage, et d'exciper de ses droits pour empêcher qu'il soit publié dans une autre maison. *S'il a ce droit, quelle limites de temps la loi y assigne-t-elle?* Il me paraît exorbitant d'avoir à payer non seulement pour les volumes non publiés, mais pour ceux déjà publiés, et même pour d'autres œuvres toutes différentes du même auteur, comme le prétend Engelhorn¹.

Quel éditeur allemand à l'étranger serait capable d'assumer de telles dépenses et pour de tels risques? En connaissez-vous? Est-ce que *Querido*

Verlag, ou un éditeur de Tchécoslovaquie aurait les reins aussi solides? Vous serez bien aimable de me conseiller.

Quant à la traduction, je serais très heureux de vous la confier. Mais elle a été réservée pour toute la série de l'*Ame enchantée* au prof. Paul Amann de Vienne. Ce n'est pas (je le dis intimement, entre nous) — que je sois très satisfait de sa traduction: son style ne convient guère au mien. Mais c'est un vieil ami, des temps de la guerre; et je me suis engagé envers lui. — Toutefois, il n'est pas impossible qu'étant d'idées prudentes et chargé de famille, il hésite à courir les risques des rancunes que s'attirera le traducteur d'une œuvre qui serait publiée chez un éditeur allemand émigré, mais au ban des nazis. — Je lui écris aujourd'hui en insistant sur ce point, et le priant de me dire franchement s'il ne renoncerait pas à traduire ces deux derniers volumes. (Il a déjà traduit le vol<ume> I de l'*Annonciatrice: la Mort d'un Monde*). S'il y renonçait, je me réjouirais de vous transmettre cette tâche².

Si non, soyez certain que je vous réserverai le volume d'articles que je préparerai, au cours de l'année qui vient, et pour lequel j'ai à écrire une suite à l'*Adieu au Passé*, une âpre confession du temps présent³.

Oui, il y a entre moi et la génération de Lucie River, non seulement une, mais plusieurs générations. Mais quelle est celle avec laquelle j'ai marché côte à côte? Je ne le connais pas. La plus étrangère, la plus hostile, m'a été la mienne. Mais cela ne m'a jamais empêché, cela ne m'empêchera jamais de marcher.

Je vous serre la main affectueusement.

Ваше преданное
Роман Ролланд

P. S. Merci pour l'envoi de la brochure de Binding⁴. Désirez-vous que je vous retourne l'exemplaire? Vous pouvez tenir à conserver cette édition. — J'écrirai à *Rütten und Loening* (les éditeurs de mon *Johann Christophel*) de m'en procurer un autre exemplaire.

Werfel n'est-il donc pas sur la liste des proscrits? Je viens de recevoir 2 gros volumes de lui publiés à Paul Zsolnay Verlag: *Die vierzig Tage des Musa Dagh*⁵.

На конверте:

France

Monsieur A. Kurella
à la rédaction de *Monde*
37, rue Joubert

Paris

Exp. Romain Rolland, Villeneuve (Vaud), villa Olga

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
4 декабря 1933 г.

Дорогой Курелла,
спасибо вам за письмо!

Посылаю вам, а также Люси Ривер, последний том «Провозвестницы», который я только что получил. Боюсь, что он понравится вам меньше, чем предыдущий. Траектория персонажей, намеченных мною (или навязавших себя мне), с самого начала не позволила мне забегать далеко вперед. Если бы я был автором «Монте-Кристо» (когда-то один мой провинциальный родственник путал «Монте-Кристо» с моим «Жаном-Кристофом», которого он не читал), я предоставил бы сыну Марка возможность продолжить нить рассказа — «*Двадцать лет спустя*» — подобно Бражелону. — Но для этого мне пришлось бы отправиться в СССР — и не как путешественнику, а чтобы поселиться там и разделить его судьбы, как это сделает, конечно, сын Марка.

Вы спрашиваете, как обстоит дело с немецким изданием. Штуттгартское издательство Engelhorn, Nachfolger отказалось на неопределенное время от выпуска трех послед-

них томов; и поскольку я возобновил свои требования, вот материальные условия, которые ставит издательство в случае отказа от своих прав. (Прилагаю выписку самой существенной части его письма.) Прежде всего надо узнать, имеет ли немецкий издатель законное право не публиковать сочинение и, опираясь на свои права, препятствовать его публикации в другом издательстве. Если он это право имеет, то какой крайний срок предоставляет ему закон? Я нахожу чрезмерным требование платить не только за неизданные тома, но и за тома, уже изданные, и даже за другие произведения того же автора, как на это претендует Энгельгорн¹.

Кто из немецких издателей за рубежом мог бы взять на себя подобные расходы и с подобным риском? Не знаете ли вы такого? Сможет ли Querido Verlag или какой-нибудь чехословацкий издатель взвалить на свои плечи подобный груз? Вы можете мне большую любезность, дав совет.

Что касается перевода, я был бы очень рад доверить его вам. Но весь цикл «Очарованная душа» оставлен за проф. Полем Аманном из Вены. Н ето, чтобы я (скажу вам строго по секрету) был особенно доволен его переводом: стиль его мало соответствует моему. Но это старый друг военных лет, и я пообещал перевод ему. Не исключено, однако, что как человек осторожный и обремененный семьей, он опасается риска и неприятностей, которые может навлечь на себя переводчик произведения, публикуемого немецким издателем-эмигрантом, изгнанным нацистами. Я пишу ему сегодня, особенно подчеркивая это обстоятельство, и прошу его сказать мне откровенно, не откажется ли он от перевода двух последних томов. (Он уже перевел том I «Провозвестницы» — «Смерть одного мира».) Если он откажется, я с большим удовольствием передам эту работу вам².

Если же нет, будьте уверены, что я оставляю за вами том статей, который подготовлю в течение будущего года и к которому собираюсь написать продолжение «Прощания с прошлым», суровую исповедь нашего времени³.

Да, между мной и поколением Люси Ривер — не одно, а несколько поколений. С каким же из них шагал я бок о бок? Не знаю. Самым чуждым, самым враждебным было для меня мое собственное поколение. Но это никогда не мешало и никогда не мешает мне идти вперед.

С горячим дружеским чувством жму вашу руку.

Преданный вам

Ромен Роллан

P. S. Спасибо за присылку брошюры Биндинга⁴. Нужно ли вернуть вам ее? Быть может, вам хочется сохранить это издание. Я напишу Рютгену и Лёнигу (издателям моего «Иоганна-Кристофа»), чтобы они достали для меня другой экземпляр.

Значится ли Верфель в списке изгнанников? Я только что получил два его толстых тома, опубликованных в издательстве Paul Zsolnay Verlag: «Die vierzig Tage des Musa Dagh»⁵.

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 17, л. 6—7. — Перевод Л. Р. Ланского.

Курелла ответил Роллану 6 декабря 1933 г. Откликаясь на разъяснения Роллана о жизненной судьбе молодого героя «Очарованной души», Курелла писал: «Я не согласен с вашим утверждением, будто Марку придется предпринять поездку в Советский Союз — и не с целью путешествия, а чтобы обосноваться там, чтобы разделить его судьбу. (И вы говорите даже, что сами испытываете потребность проделать этот путь для более успешной работы над романом!) Нет, не в том суть! Правда, в моей собственной эволюции, например, решающее значение имела моя первая поездка в СССР в 1919 г. (после того как я вынужден был покинуть красный Мюнхен); она привела меня в соприкосновение не только с великими вождями Революции, но и с повседневной жизнью борцов за социализм, а мое дальнейшее активное участие в социалистическом строительстве, в значительной мере, сделало из меня то, чем являюсь я теперь. Но подлинное формирование наших западных революционеров происходит не в Советском Союзе! Мы формируемся здесь, борясь за социализм в наших условиях! При буквальном осуществлении вашей мысли, Европа совсем обезлюдела бы, если можно так выразиться, революционерами <...> Наше поле деятельности и наша революционная школа — здесь <...> Вот почему сын Марка (если сам Марк уже достиг вершины

своей личной эволюции) будет жить в Париже, в Лондоне, в Шанхае или в Чикаго, или даже нелегально в Берлине! Путешествие в СССР явится для него *интермеццо*, каким оно и было для каждого из нас.

Еще одно слово о поколениях: в сущности, *их вовсе нет*. В нашем движении вперед каждый занимает свое место и идет с присущей ему скоростью, определяемой тысячами случайных факторов, мы все — единое целое, в котором даты рождения играют лишь второстепенную роль. *Вы — часть этого целого*. Имеет ли значение все остальное? (Фотокопия с этого письма передана «Литературному наследству» Куреллой.— Перевод с французского.)

¹ *Энгельгорн* — немецкий издатель Роллана. В первые месяцы после переворота фашистские власти, надеясь привлечь на свою сторону прославленного писателя, не внесли его произведения в «черный список» и формально не препятствовали их переизданию. Однако активная антифашистская деятельность Роллана вскоре же коренным образом изменила это положение, и его немецкому издателю не приходилось и думать о выпуске в свет последних томов «Очарованной души» и других сочинений Роллана. Тогда писатель стал искать путей для передачи этих прав другому издателю за пределами Германии — в Голландии или Чехословакии. Роллан писал в 1935 г.: «...Мой немецкий издатель „Очарованной души“ отказался выпустить три последних тома сочинения („Провозвестницу“), что в известном смысле можно было бы понять, поскольку я нещадно боролся в ней с немецким и итальянским фашизмом, но он пронырски возмутительным намерением — помешать мне издать их на немецком языке вне Германии» («*Quinze ans de combat*», p. LXXIX).

² Права на издание немецкого перевода «Очарованной души» Роллан передал швейцарскому издательству Humanitas Verlag (Цюрих). Второй и третий тома «Провозвестницы» вышли в этом издании в переводе П. Аманна в 1935—1936 гг.

³ См. примеч. 1 к п. 2 и примеч. 5 к п. 5.

⁴ О брошюре Биндинга см. выше в примеч. 1 к п. 13.

⁵ Франц *Верфель* (1890—1945) как еврей был, разумеется, сразу же внесен в прокришционные списки фашистской Германии. Его роман «Сорок дней Музы Даг» вышел в Берлине с датой 1933 г., вероятно, еще до прихода к власти фашистов.

16. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
10 décembre 1933

Cher Alfred Kurella,

En hâte je vous communique une lettre non signée, que je viens de recevoir, par une voie détournée, et qui dénonce les atrocités dans un camp de concentration — près d'Osnabrück ¹. Il faudrait tâcher de provoquer une visite de ce camp (et en général, de tous les camps) par une commission internationale.

Deux mots seulement, en réponse à votre lettre très obligeante, au sujet de mes volumes:

1° Je crois (je suis sûr) que le 1^{er} paragraphe de la lettre d'Engelhorn ² auquel vous faites allusion, ne contient pas, comme vous le pensez, un *engagement conditionné*. Le sens est: «Il n'y aurait aucune chance de succès pour la publication — hors d'Allemagne; le public allemand à l'étranger n'est pas suffisant. Si nous pouvions penser que la publication serait possible (en Allemagne) et qu'un autre éditeur (en Allemagne) pourrait l'oser, nous n'hésiterons pas à nous en charger».

Sans doute, on pourrait chicaner. Mais la base juridique de ce texte serait trop faible. Et un procès, en Allemagne, n'aurait pas une issue douteuse. Je ne puis me permettre de risquer les frais d'un tel procès, ni en endosser les ennuis, avec toutes les autres occupations, qui pèsent sur moi. Faire du scandale serait le seul profit. Ce serait trop cher l'acheter. Et pour un sujet trop mince.

2° Les directeurs d'*Engelhorn's Verlag* ont toujours agi correctement, même amicalement, avec moi. Il est évident, qu'ils me publieraient s'ils le pouvaient, et qu'ils m'écrivent sous la menace du commissaire nazi. — J'ajoute qu'en dépit de cette situation, il n'est pas exact qu'ils *ne fassent plus rien du tout pour la diffusion de mes livres en Allemagne*: car je viens de recevoir, ces jours derniers, le plus récent fascicule de leurs *Flugblätter*: ils y font de la réclame pour mon *Briefwechsel mit Malwida von Meisenbug*: qu'ils



ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ НА ЛЕЙПЦИГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Рисунок (тушь) Фреда Эллиса, 1934

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

font entrer dans une nouvelle collection de «Heldentum» (ou, comme qui dirait, de «Vies des hommes Illustres»)³. — Je ne puis pas agir d'une façon brutalement hostile avec eux. Si je romps avec eux, ce doit être en conservant les formes de la courtoisie, comme il les conservent.

La question est donc:

1. *Dans quel délai a-t-on le droit juridiquement* (j'entends, d'après la loi allemande) de mettre un éditeur en demeure de publier un ouvrage, dont il a le dépôt, — ou bien de le rendre?

2. Si ce délai est trop éloigné, *laquelle des maisons allemandes à l'étranger* (Faust-Verlag Malik ou Querido) aurait la solidité de fonds nécessaire pour racheter l'*Ame Enchantée*, sinon mes autres volumes chez Engelhorn (qui me paraît une exigence exorbitante, — d'ailleurs absurde: car *Peter und Lutz* et le *Briefwechsel mit Malwida* ont un public allemand assuré en tous temps)?

Je vous retournerai demain le petit livre de Binding, en vous remerciant.

Quant à la partie de votre lettre qui concerne les vrais devoirs du révolutionnaire, je l'ai lu avec beaucoup d'intérêt et de sympathie. Cela me fait plaisir que vous conceviez aussi largement les devoirs et les droits de l'art, — sa véritable tâche, conforme à sa nature. — Mais je ne suis pas sûr que les fatalités de l'histoire qui s'écrivent sous nos yeux ne groupent autrement, que vous le souhaitez, les éléments appelés à livrer le grand combat de demain. J'attends fort peu d'un réveil social de l'Occident. Presque fatalement l'U.R.S.S. sera — et de plus en plus — le bastion du monde nouveau contre l'ancien. Fasse le ciel, c'est-à-dire sa propre énergie («O homme, aide-toi toi-même!» comme écrivait mon vieux Beethoven), que l'ancien monde, que l'ennemi ne s'infiltrer pas dans son sein!

Je vous serre cordialement la main.

Ваше преданное

Romain Rolland

P. S. Concentrons toutes nos forces, en ces jours, pour tâcher de sauver Dimitroff, Torgler et leurs compagnons de danger! Mais il faut bien faire attention à ce que les manifestations ne soient pas interprétées et utilisées par l'Hitlerisme comme un défi injurieux de l'étranger à l'Allemagne, qui soulèverait le sentiment national, — comme il est arrivé (ou, en tout cas, comme l'ont exploité les dirigeants américains) pour la condamnation de Sacco et Vanzetti⁴. — Je vais tâcher d'écrire un bref Appel⁵, que je vous enverrai, ces jours-ci, ainsi qu'au Comité de Contre-Procès⁶. (Quelle est l'adresse actuelle de ce Comité? Prière de me l'envoyer, d'urgence.)

On annonce la parution à Paris d'une brochure sur Dimitroff⁷. Je ne l'ai pas reçue. Voudriez-vous me la faire envoyer promptement.

Je vais chercher dans mes papiers quelque chose à vous offrir, pour *Monde*.

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
10 декабря 1933 г.

Дорогой Альфред Курелла,

спешу переслать вам только что полученное мною, окольными путями, письмо без подписи, обличающее зверства в одном из концентрационных лагерей близ Оснабрюка¹. Следовало бы сделать попытку добиться посещения этого лагеря (и вообще всех лагерей) международной комиссией.

Теперь всего два слова в ответ на ваше любезнейшее письмо по поводу моих книг:

1. Я думаю (даже уверен), что 1-й параграф письма Энгельгорна², на который вы намекаете, не содержит, как вы полагаете, *обусловленного обязательства*. Смысл его таков: «На успех издания вне Германии нет никакой надежды; немецкой читающей публики за рубежом немного. Если бы мы могли думать, что публикация (в Германии) возможна и что другой издатель (в Германии) мог бы на нее решиться, мы без колебаний взяли бы за это дело».

Конечно, можно было бы и посуляжничать. Но юридическая основа для этого оказалась бы слишком слабой. И исход судебного процесса в Германии был бы заранее предрешен. Я не могу себе позволить ни рисковать, идя на издержки по такому процессу, ни взваливать на себя, при всех тяготеющих на мне обязанностях, бремя этих хлопот. Единственной пользой явился бы произведенный этим шум. Но покупать его такой ценой — слишком дорогое удовольствие. И вдобавок по столь ничтожному поводу.

2. Дирекция Engelhorn-Verlag всегда поступала по отношению ко мне корректно, даже дружески. Бесспорно, что они продолжали бы издавать меня, если б могли, и что они пишут мне лишь под угрозой нацистского комиссара. Добавлю, что, несмотря на эту ситуацию, утверждение, будто они *«ничего больше не делают для распространения моих книг в Германии»*, неточно, ибо на днях я получил последний вы-

пуск их «Flugblätter»*; они напечатали там рекламное объявление о моей книге «Briefwechsel mit Malwida von Meysenbug», которую они включили в новую серию «Heldentum»** (или, иначе говоря, «Жизнь замечательных людей»)³. Поступить с ними грубо враждебно я не могу. Если я и порву с ними, то соблюдая при этом, как и они, правила вежливости.

Итак, вопрос в следующем:

1. По истечении какого срока можно юридически (я подразумеваю германское законодательство) требовать от издателя либо опубликования труда, на который он приобрел право, либо его возвращения?

2. Если этот срок слишком долг, то какое из немецких издательств за рубежом (Faust-Verlag Malik или Querido) располагает достаточными средствами, чтобы выкупить у Энгельгорна «Очарованную душу», без других моих книг (что кажется мне требованием излишним и к тому же абсурдным, так как «Peter und Lutz», «Briefwechsel mit Malwida» всегда будут иметь в Германии читателей)?

Книжку Биндинга я вам верну с благодарностью завтра.

Что же касается той части вашего письма, где речь идет об истинных обязанностях революционера, я прочел ее с большим интересом и симпатией. Мне приятно, что вы так широко понимаете обязанности и права искусства — его подлинную задачу, соответствующую самой его природе. Но я не уверен, что неизбежный ход истории, пишущейся на наших глазах, расположит силы, которым суждено вступить в великую битву завтрашнего дня, именно так, как вы того желаете. От социального пробуждения Запада я жду очень мало. СССР почти неизбежно будет и впредь — чем дальше, тем больше — ослотом нового мира против старого. Да хранит его небо, то есть его собственная энергия («О человек, помоги себе сам!» — как писал старик Бетховен) — чтобы старый мир, чтобы враг не пробрался в его ряды!

Сердечно жму вашу руку.

Преданный вам

Ромен Роллан

Р. С. Слотим в эти дни все наши силы, чтобы попытаться спасти Димитрова, Торглера и их товарищей от опасности! Но надо обратить особое внимание на то, чтобы манифестации не были истолкованы и использованы гитлеризмом как оскорбительный вызов Германии извне, что может подогреть национальное чувство, — как это случилось (или, во всяком случае, как этим воспользовались американские власти) при осуждении Сакко и Ванцетти⁴. Я попытаюсь сейчас же написать краткий призыв⁵, который отправлю на днях вам и в Комитет контрпроцесса⁶. (Какой теперь адрес этого Комитета? Прошу срочно прислать его мне.)

Сообщают, что в Париже выходит брошюра о Димитрове⁷. Я ее не получал. Не откажите в любезности прислать ее мне возможно скорее.

Я поищу в своих бумагах что-нибудь, что может подойти вам для «Monde».

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 19, л. 7—9 об. — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Это письмо остается неизвестным.

² См. примеч. 1 к предыдущему письму.

³ Переписка Роллана с Мальвидой Мейзенбург так и не была тогда издана на немецком языке. «Гитлеровская контрреволюция в Германии, наложившая запрет на мои книги, прервала и эту публикацию», — писал Роллан Б. Чатураведи 18 декабря 1935 г. (Парижский архив Роллана).

⁴ Суд над американскими революционерами итальянского происхождения Сакко и Ванцетти закончился смертным приговором, приведенным в исполнение 23 августа 1927 г. Дело Сакко и Ванцетти вызвало мощное движение протеста во всем мире и в то же время взрыв повинизма в США.

* «рекламных листов» (нем.).

** «Герои» (нем.).

⁵ «За оправдание Димитрова и его товарищей. Призыв к народу Германии» был напечатан в «Monde» 23 декабря 1933 г. (Р. Р о л л а н. Собр. соч., т. 13, стр. 356—357).

⁶ Комитетом контрпроцесса Роллан называет международный «Комитет в защиту Димитрова», созданный в Лондоне и борющийся за освобождение из фашистского застенка прославленного болгарского революционера.

⁷ Вероятно Роллан имеет в виду книгу на немецком языке «Dimitroff contra Göring» («Димитров против Геринга»), изданную при участии А. Куреллы в начале 1934 г. парижским издательством Carrefour. В 1964 г. он выпустил в Берлине под тем же названием книгу материалов о Лейпцигском процессе (русск. пер.: М., 1966).

17. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
12 décembre 1933

Cher Kurella,

Voici l'Appelle que je vous ai annoncé hier¹. Publiez-le, propagez-le aussi promptement que possible en France et au dehors! J'ai voulu le faire moins violent, — non injurieux pour l'Allemagne, — car j'envisage le salut de Dimitrov, Torgler etc. avant tout et je veux que même l'Allemagne, «l'honneur allemand» (dont ils font un tel étalage), se sentent obligés à les libérer. Je m'adresse donc même à l'Allemagne. Et j'envoie copie de cet Appel à la *Kölnische Zeitung* et à des amis allemands.

En France je l'envoie à:

1. *Front Mondial*
2. au *Comité français d'aide aux victimes du fascisme hitlérien*, 10, rue N. D. <de> Lorette.
3. à *Gibarti* (169 Bd St. Germain?)
4. à *Francis Jourdain*.

Auriez-vous l'obligeance d'en transmettre une copie à la *Commission du Contre-Procès* (Moro-Giafferi, ou Torrès, ou Bergery etc.).

En hâte et cordialement à vous

Romain R o l l a n d

Le Comité pour la libération de Dimitrov, Torgler etc. vient de me demander pour son meeting du 19 décembre (c'est bien tard!) d'accepter la présidence effective. Ma santé m'interdit ce voyage. Mais il va de soi que je donne mon adhésion entière et que j'enverrai q<uel>q<ues> lignes de protestat<ion>².

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
12 декабря 1933 г.

Дорогой Курелла,

вот Призыв, о котором я писал вам вчера¹. Публикуйте же его, распространяйте его как можно скорее во Франции и за ее пределами! Я хотел сделать его менее резким, — не оскорбительным для Германии, — так как думаю прежде всего о спасении Димитрова, Торглера и др. и хочу, чтобы даже Германия, «германская честь» (которой они так кичатся) почувствовали бы себя вынужденными освободить их. Так, я обращаюсь даже к Германии. И я направляю копию этого Призыва в «*Kölnische Zeitung*» и немецким друзьям.

Во Франции я посылаю его:

1. *Всемирному фронту*
2. *Французскому комитету помощи жертвам гитлеровского фашизма*, ул. N. D. de Lorette, № 10.
3. *Жибарти* (бульвар St. Germain, 169?)
4. *Франсису Журдену*.

Не будете ли вы столь любезны передать один экземпляр в *Комиссию контрпроцесса* (Моро-Джафери, или Торресу, или Бержери и пр.).

Пишу второпях, остаюсь сердечно ваш

Ромен Р о л л а н

Комитет освобождения Димитрова, Торглера и др. только что обратился ко мне с просьбой взять на себя действительные обязанности председателя на их митинге,

который состоится 19 декабря (это очень поздно!). Здоровье не позволяет мне совершить эту поездку. Но я, само собой разумеется, полностью присоединяюсь и пришлю несколько строк протеста ².

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 19, л. 10—10 об. — Перевод Л. Р. Л а н с к о г о.

¹ См. предыдущее письмо.

² 19 декабря 1933 г. в парижском Луна-Парке под председательством Анри Барбюса состоялся гравдиозный митинг в защиту Торглера. На нем присутствовало свыше 30 000 французских рабочих (см. «Humanité» от 20 декабря). На этом митинге был зачитан Призыв Роллана «Pour Torgler» («В защиту Торглера»). Опубликован этот Призыв в «Humanité» от 22 декабря; перепечатан в «Quinze ans de combat». В русском собр. соч. Роллана Призыв не вошел.

18. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
Vendredi, 15 décembre 1933

Cher Kurella,

J'ai entendu hier soir, au radio, les conclusions du réquisitoire. Le procès tourne d'une façon inattendue ¹. Tous, au secours de Torgler! Je vous envoie un second Appel, à 3 exemplaires. Usez-en! Répandez-le! *Il est fait pour être lu, au meeting projeté du 19 décembre* ². Mais je crains bien que la sentence finale ne devance la date prévue ³. Si le procureur demande l'acquiescement des trois Bulgares, il n'y a plus lieu demander <que> leur défense et celle de leurs avocats. Tout peut être précipité. Agissez, vous et les camarades, en conséquence!

En hâte, votre dévoué

Romain R o l l a n d

J'envoie, en même temps qu'à vous, copies de ce nouvel Appel, à Munzenberg, à Seigneur (Comité pour la libération de Torgler, Dimitrov, etc.), au Comité d'aide aux réfugiés antifascistes hitlériens et à Desprès, pour l'*Humanité*. — Pour d'autres adresses, je m'en remets à vous.

Connaissez-vous le *Reichstag Trial Defence Committee*, 5 rue Cardinal Mercier, Paris 9^e? Il vient de me demander copie de mon 1^{er} Appel ⁴ dont il a eu vent, par l'avocat bulgare Grigoriev.

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
Пятница, 15 декабря 1933 г.

Дорогой Курелла,

я слышал вчера вечером, по радио, окончание обвинительной речи. Процесс обрывается самым неожиданным образом ¹. Все на помощь Торглеру! Посылаю вам второй Призыв в трех экземплярах. Используйте его! Распространяйте его! *Он написан для оглашения на митинге, который должен состояться 19 декабря* ². Но я очень боюсь, как бы окончательный приговор не был вынесен до намеченной даты ³. Если прокурор предлагает оправдать трех болгар, надо только потребовать их охраны и охраны их адвокатов. Все может произойти в ускоренном темпе. Действуйте соответствующим образом — вы и ваши товарищи!

Пишу вторых. Преданный вам

Ромен Р о л л а н

Одновременно посылаю копии нового Призыва Мюнценбергу, Сеньёру (Комитет освобождения Торглера, Димитрова и др.), в Комитет помощи антифашистам, изгнанным гитлеровским режимом, и Депре для «Humanité». В отношении других адресов полагаюсь на вас.

Известен ли вам *Reichstag Trial Defense Committee**, улица Cardinal Mercier, № 5, Париж, 9^e? Они недавно попросили у меня экземпляр моего 1-го Призыва ⁴, о котором узнали от болгарского адвоката Григорьева.

* Комитет защиты по процессу Рейхстага (англ.).

Автограф. ИМЛИ, ф. 5,³ оп. 1, ед. хр. 19, л. 11 — 11 об. — Перевод Л. Р. Ланского.

¹ 14 декабря 1933 г. на Лейпцигском процессе после прений сторон состоялись выступления обвинителей. Первую часть обвинительной речи произнес верховный прокурор Вернер. Вслед за ним с продолжением речи выступил его помощник Париюз. Окончание обвинительной речи снова прочел Вернер. «К концу своей речи он приходит к выводу, что участие болгар в поджоге прямо не доказано, но Торглер тем или иным образом в поджоге участвовал. Верховный прокурор требует смертной казни для Ван-дер-Люббе и Торглера; Димитрова, Попова и Танева следует оправдать „ввиду недостатка доказательств“», — писал впоследствии Курелла в книге «Димитров против Геринга» (М., 1966, стр. 289—290).

² О Призыве Роллана «В защиту Торглера» и о митинге в парижском Луна-Парке см. в примеч. 2 к п. 17.

³ Заключительное заседание Лейпцигского процесса состоялось 23 декабря. К смертной казни был приговорен только Ван-дер-Люббе, а четверо остальных подсудимых — Димитров, Танев, Попов и Торглер — «ввиду недостатка доказательств» были оправданы.

⁴ См. примеч. 5 к п. 16.

19. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
(После 16 декабря 1933 г.)

Cher Kurella,

Je vous envoie copie de l'Appel contre le fascisme dans l'Inde ¹ — dont vous a parlé le jeune Soumyendranath Tagore ². Naturellement, vous pouvez le publier. — Mais en ce moment, il me semble que tout effort doit être concentré sur le procès de Leipzig. — Le silence même de la presse payée atteste honteusement le danger.

Pour mes affaires avec Engelhorn ³, il y a quelque chose de changé. Albin Michel m'apprend qu'un article de son traité avec Engelhorn (Engelhorn s'était bien gardé de m'en parler!) obligeait celui-ci à publier les trois volumes de l'*Annonciatrice*, dans un délai de neuf mois, «à partir de la remise complète de l'édition française de l'œuvre». Et Engelhorn, qui vient de recevoir les deux derniers volumes de l'édition française, a écrit le 12 décembre à Albin Michel, pour lui demander de le libérer de cet article!

Albin Michel, en plein accord avec moi, vient de lui répondre qu'il ne peut ni ne veut en aucune façon le libérer de cette obligation, — et que de deux choses l'une, ou bien Engelhorn nous fixera un délai de publication pas éloigné, et nous verrons si nous pouvons l'accepter, — ou bien, si Engelhorn refusait de s'engager à faire paraître l'œuvre et à «*en assurer la diffusion*» dans un temps déterminé, non éloigné, Albin Michel lui reprendrait la libre disposition des droits de traduction et d'édition en langue allemande de l'*Annonciatrice*, et lui rembourserait les acomptes (peu importants) qui ont été versés pour cette œuvre. — Nous n'avons donc plus qu'à attendre. Ce ne sera plus long. — Et en cas où Engelhorn se désisterait, quelle autre maison d'éditions me conseillez-vous d'indiquer, de préférence, à Albin Michel? Celle de Prague ou celle d'Amsterdam?

Ce que vous avez écrit sur J. R. Bloch est bien et me paraît juste. Il faudrait pouvoir le rencontrer personnellement et lui parler. Il est d'accueil charmant et expansif. Mais par écrit on ne sait jamais: il peut comprendre un mot de travers; il est un peu susceptible.

Je lis *Monde* avec beaucoup d'intérêt. Une seule chose me gêne et je vous la signale confidentiellement, car elle peut nuire auprès de public français; on trouve dans la rédaction trop de grosses fautes de français, des barbarismes («il fuya» pour «il fuit» etc.). — Il faut avoir un correcteur qui sache très bien le français, et qui revise scrupuleusement.

Bien cordialement à vous
Romain R o l l a n d

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
(После 16 декабря 1933 г.)

Дорогой Курелла,

посылаю вам копию Призыва против фашизма в Индии¹, о котором вам говорил молодой Сауминдранат Тагор². Разумеется, вы можете опубликовать его. Но в данный момент мне кажется, что все усилия должны быть сосредоточены на Лейпцигском процессе. Самое молчание продажной прессы постыдно свидетельствует об опасности.

Что касается моих дел с Энгельгорном³, то здесь кое-что изменилось. Альбен Мишель извещает меня, что один из пунктов его договора с Энгельгорном (Энгельгорн, конечно, остерегся сказать мне об этом!) обязывает последнего выпустить в свет три тома «Провозвестницы» в течение девяти месяцев «после передачи ему нашего французского издания этого сочинения». И Энгельгорн, недавно получивший два последних тома французского издания, написал 12 декабря Альбену Мишелю письмо, в котором просит освободить его от выполнения этого пункта!

Альбен Мишель, в полном согласии со мной, сразу же ответил ему, что ни в коем случае не может и не хочет освобождать его от этого обязательства — и что одно из двух: или Энгельгорн укажет нам крайнюю дату непродолжительной отсрочки издания и мы решим, сможем ли мы ее принять, — или же, если Энгельгорн откажется дать обязательства выпустить в свет этот труд и «обеспечить его распространение» в обусловленный — достаточно близкий — срок, Альбен Мишель отберет у него право свободно распоряжаться переводом и изданием «Провозвестницы» на немецком языке, а также возвратит ему задаток (небольшой), который был выдан за это сочинение. Итак, нам остается только ждать. Ждать же придется недолго. А в случае, если Энгельгорн откажется, — какое другое издательство посоветуете вы мне предпочтительно назвать Альбену Мишелю? Пражское или амстердамское?

То, что вы написали о Ж. Р. Блоке, хорошо и кажется мне вполне справедливым. Вам надо было бы встретиться с ним лично и поговорить. Он очень приветлив и экспансивен. Но в переписке нельзя ни за что поручиться: он может превратно понять то или иное слово, будучи человеком несколько обидчивым.

Я читаю «Monde» с большим интересом. Меня смущает только одно обстоятельство, указываю вам на это конфиденциально, так как оно может повредить изданию в глазах французской публики: в текстах встречается слишком много грубых ошибок против французского языка, варваризмов («il fuua» вместо «il fut» и т. п.). Надо взять корректора, который отлично знает французский язык и тщательно держит корректуру.

С сердечным приветом

Ромен Роллан

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 20, л. 1—1 об. Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о Лейпцигском процессе и о письме издателя Энгельгорна к издателю А. Мишелю, датированном 12 декабря, следовательно, ставшем известным Роллану после 16 декабря. — Перевод Л. Р. Ланского.

¹ Призыв против фашизма в Индии. — Этот призыв в «Monde» конца 1933—начала 1934 г. опубликован не был.

² 19 октября 1933 г. Роллан писал Калидас Нагу: «Сауминдранат просил меня сразу же написать поэту (кажется, его дяде), чтобы предостеречь от гитлеровского фашизма, эмиссары которого, как говорят, тайком бродят вокруг Сантиникетана» («Cahiers Romain Rolland. Rabindranath Tagore et Romain Rolland». Cahier 12. P., 1961, p. 168). См. статью С. Тагора «Фашистская пропаганда в Индии». — «Monde», № 292, 3 февраля 1934 г.

³ См. предыдущие письма.



ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ФАШИСТСКО ОПАСНОСТИ
9 ФЕВРАЛЯ 1934 г. В ПАРИЖЕ

Фотография

Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

20. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
21 décembre 1933

Mon cher Kurella,

Pourquoi aucun des deux Appels que je vous ai envoyés, pour la libération des accusés au procès de Reichstag, et pour sauver Torgler, n'a-t-il paru dans *Monde*?¹

Dorénavant, vous n'attendrez plus que je vous écrive d'articles pour *Monde*. Quand j'aurai des Appels à faire entendre en France, je les adresserai aux journaux de l'U.R.S.S.

Je suis d'ailleurs parfaitement convaincu que vous n'êtes pas *personnellement* responsable de ce silence. Mais je le déplore, dans l'intérêt de la cause que nous voulons défendre.

Bien cordialement à vous

Romain Rolland

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
21 декабря 1933 г.

Мой дорогой Курелла,

почему ни один из двух посланных мною вам Призывов об освобождении обвиняемых по процессу Рейхстага и о спасении Торглера не появился в «*Monde*»?¹

Впредь не рассчитывайте больше, что я стану писать вам статьи для «*Monde*». Когда мне нужно будет, чтобы мои Призывы были услышаны во Франции, я буду направлять их в газеты СССР.

Впрочем, я совершенно убежден, что вы лично не ответственны за это молчание. Но я горько сожалею о нем в интересах дела, которое мы хотим защищать.

Сердечно преданный вам

Ромен Роллан

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 19, л. 12—12 об.— Перевод Л. Р. Ланского.

¹ Первый из этих Призывов Роллана был опубликован в «Monde» только 23 декабря. Второй Призыв был напечатан в «Humanité» накануне, 22 декабря (см. примеч. 2 к п. 17).

21. СЕКРЕТАРИАТУ МОРПа

Villeneuve (Vaud)
27 décembre 1933

Chers camarades,

Je reçois vos deux lettres, au sujet de Upton Sinclair ¹.

Le fait est grave. Je n'hésite pas à lui écrire, comme vous me le demandez. J'ai quelques doutes sur la valeur de mon intervention, car j'en ai toujours eu sur la solidité de ses convictions. Mais je tâcherai d'agir amicalement sur son amour-propre, qui est très sensible à l'opinion. En cela, je crains que la résolution du club John Reed n'ait passé la mesure, en l'irritant par sa violence. Nous devons certes prendre garde de ne pas perdre cette force qui a livré de bons combats et qui est une des rares, en U. S. A., qui soit capable de pénétrer les masses.

Je vous tiendrai au courant de la réponse qu'il me fera.

Croyez-moi, chers camarades, bien cordialement à vous

Romain Rolland

Ci-inclus copie de la lettre que j'adresse à Sinclair ².

Merci amical à Moussinac de la lettre récente. Je lui écrirai prochainement.



ДЕМОНСТРАЦИЯ В ПАРИЖЕ В ПАМЯТЬ ЖЕРТВ ФАШИСТСКОГО ПУТЧА 1934 г.,
10 ФЕВРАЛЯ 1935 г.

Фотография

Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов, Красноярск

Перевод

Вильнёв (Во)
27 декабря 1933 г.

Дорогие товарищи,

я только что получил оба ваших письма по поводу Эптона Синклера¹.

Дело серьезное. Я без всяких колебаний готов написать ему, как вы просите. Я несколько сомневаюсь в пользе моего вмешательства, так как я никогда не был уверен в прочности его убеждений. Тем не менее я попытаюсь дружески воздействовать на его самолюбие, весьма чувствительное к общественному мнению. Кстати, я боюсь, не перешла ли резолюция Клуба Джона Рида границы и не вызвала ли в нем раздражения своей резкостью. Мы бесспорно должны быть осторожны, чтобы не потерять такого мощного борца, успешно участвовавшего в битвах, — эту столь редкую в США силу, способную воздействовать на массы.

Я сообщу вам, что он мне ответит.

Примите, дорогие товарищи, уверения в моей сердечной преданности.

Ромен Р о л л а н

Прилагаю копию письма, которое я посылаю Синклеру².

Дружеское спасибо Муссиаку за недавнее письмо. Я вскоре напишу ему.

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 42, л. 3—4 об.—Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Эти письма неизвестны. В них, очевидно, шла речь о предвыборной кампании, когда Синклер баллотировался на пост губернатора Сан-Франциско от демократической партии (см. об этом подробно в статье С. Гардина «Эптон Синклер — реакционный утопист». — «New Masses» от 22 мая 1934 г. Ср. «Интернациональная литература», 1934, № 5, стр. 132—135).

² Приводим полный текст письма Роллана к Синклеру (по копии с черновика, хранящегося в парижском архиве Роллана):

28 décembre 1933

«Cher ami Upton Sinclair,

Je suis chargé auprès de vous d'une mission délicate, mais inspirée par affection même que nous avons pour vous.

Vos amis en U.R.S.S. et nombre d'amis en Occident, s'inquiètent de ce qu'ils appellent (ou craignent) votre récente évolution politique. Je suis assez mal au courant des faits exacts. Mais d'après ce qu'on me dit et ce qu'on écrit, vous seriez sorti des rangs de l'opposition ouvrière pour vous railler à l'un des deux grands partis bourgeois capitalistes et briguer un des grands postes de l'Etat.

Je suis convaincu, vous connaissant, que vous voyez dans le pouvoir un instrument pour accomplir plus sûrement les réformes démocratiques. Mais nous avons trop vu en Europe — particulièrement en France, — depuis trente ans, les résultats déplorables de cette tactique. Qui croit prendre, il est pris. Tous les grands chefs socialistes d'Occident (ne parlons pas de Macdonald!) à commencer par Millerand et Briand — qui ont prétendu servir leur cause dans les rangs des ennemis de leur cause, ont été liés de jour en jour aux ennemis de leur cause, et ont fini par en paraître et par en être les ennemis.

Ne vous laissez pas prendre en piège! C'est le jeu éternel de la bourgeoisie dominante, de dissocier les forces de ses adversaires, en attirant à elle ses représentants les plus intelligents et les plus énergiques et en brûlant les ponts entre eux et la classe d'où ils sont imprudemment sortis.

A cette heure grave où l'ennemi fasciste est à nos portes et menace le monde que nous n'ayons point la douleur un Upton Sinclair s'éloigner de nous et de nos dangers. Mon amitié est convaincue que vous ne le ferez point. Ne le laissez donc pas croire! L'Ennemi se sert de vous — non pas pour vous, mais contre vous, contre votre vraie gloire. Défendez-la.

Je vous serre la main affectueusement

Romain R o l l a n d»

Перевод

28 декабря 1933 г.

Дорогой друг Эптон Синклер,

Мне поручили обратиться к вам по деликатному, но внушенному любовью к вам вопросу.

Ваши друзья в СССР и многие друзья на Западе обеспокоены тем, что они называют (с опасением) вашей недавней политической эволюцией. Я довольно плохо знаю ис-

тинное положение дела. Но, судя по тому, что мне рассказывают и что пишут, вы, кажется, выпли из рядов рабочей оппозиции, чтобы вступить в одну из двух ведущих буржуазно-капиталистических партий и занять крупный государственный пост.

Зная вас, я убежден, что вы рассматриваете власть как инструмент для более полного осуществления демократических реформ. Но за тридцать лет мы видели в Европе — в частности во Франции — слишком много плачевных результатов подобной тактики. Думаешь взять, а тут тебя самого взяли. Все крупные социалистические вожди на Западе (не говоря уже о Макдональде!) — начиная от Мильерана и Бриана, — мнившие, что в рядах врагов своего дела они служат этому делу, день за днем все крепче связывали себя с врагами своего дела и, в конце концов, стали не только казаться, но и действительно превратились в его врагов.

Не попадитесь в ловушку! Такова извечная игра правящей буржуазии — разобщать силы своих противников, привлекая к себе их самых умных и энергичных представителей и сжигая мосты между ними и классом, из которого те по неосторожности вышли.

В этот ответственный час, когда фашизм у наших дверей и грозит всему миру, пусть мигнет нас горе, вызванное тем, что такой человек, как Эптон Сликлер, уходит, покидая нас в опасности. Мое дружеское чувство внушает мне уверенность, что вы не сделаете этого. Так не давайте же повода для сомнений! Враг пользуется вами — не ради вас, а против вас, против вашей истинной славы. Защищите ее.

Горячо жму вашу руку

Ромен Р о л л а н

22. А. КУРЕЛЛА — РОЛЛАНУ

Moscou, 5 avril 34

Mon cher Maître,

J'ai presque un peu de honte que je ne vous ai pas donné un signe de vie pendant si longtemps.

Fin janvier j'ai quitté Paris pour un voyage en U.R.S.S. Vous savez comment (et pourquoi) nous tenons tant à aller de temps en temps pour respirer l'air de ce pays.

Ce voyage a été couronné pour moi par un bonheur tout particulier. Après l'arrivée de notre camarade Dimitroff, j'ai été appelé par lui, qui me connaît depuis longtemps, à ses côtés pour lui porter la main pendant qu'il écrit son livre de mémoires sur le procès de Leipzig ¹. Depuis un mois je suis avec lui et je dois dire que ces jours remplis par notre travail commun comptent parmi les plus heureux de ma vie.

L'autre jour cam(arade) Dimitroff a reçu votre lettre qui l'a beaucoup touché ainsi qu'il parle toujours de vous avec une profonde admiration.

A cette occasion j'ai senti le besoin de vous écrire de nouveau. Je me suis rappelé de notre correspondance de la fin de 1933 au sujet des derniers volumes de *l'Ame enchantée*. Vous rappelez-vous ce que vous m'avez écrit au sujet de la révolution dans les pays occidentaux?² Votre méfiance, pour ainsi dire, dans les forces et les perspectives révolutionnaires de nos peuples d'Europe m'avaient fait assez de peine. Je ne savais pas comment vous démontrer qu'il ne s'agit pas d'une illusion, d'un rêve optimiste, quand je pense que le but de nous autres révolutionnaires qui sont profondément «occidentaux», ne peut être autre chose que le triomphe du socialisme *dans nos propres pays*, dans cette magnifique Allemagne, dans cette belle France.

Entre temps nous avons eu les grands événements d'Autriche et l'action magnifique des travailleurs en France contre le fascisme naissant. Ces derniers événements comme conséquence et suite immédiate de notre mouvement d'Amsterdam, dont vous êtes un des initiateurs. Nous avons eu aussi et surtout Dimitroff. Aujourd'hui, où je travaille avec lui si intimement, je m'aperçois à quel point lui aussi, le nouveau citoyen *soviétique*, partage mon, notre point de vue sur la révolution *occidentale*, lui, dont la pensée tourne essentiellement autour du mouvement révolutionnaire de son peuple bulgare!

Je voudrais bien trouver le moyen pour vous faire participer à cette notre grande et profonde foi — si loin de toute «foi» dans le sens religieux — dans

notre cause *européenne*, dans les forces inépuisables de nos masses prolétariennes et travailleurs d'Europe.

Ces derniers événements n'ont-ils pas contribué à vous convaincre aussi? N'accepteriez-vous pas, aujourd'hui, qu'il fallait faire aboutir «le fils de Marc» (dans un roman imaginaire *Vingt ans après*³) dans le front des révolutionnaires communistes en France, en Allemagne et même en Suisse?

Je serais si heureux de lire votre réponse à cette question et de vous voir «avec nous» jusqu'à cette dernière conséquence!

Une phrase de votre lettre à Dimitroff me laisse espérer que la réponse ne sera pas négative!

J'étais très attristé d'apprendre par cette même lettre que votre santé toujours laisse à désirer. J'avais tant désiré de pouvoir vous revoir partir *ici*. Une visite de vous en U.R.S.S. serait un événement si important, comme vous ne pouvez pas le vous imaginer. N'y a-t-il pas de chance que cela se puisse réaliser?

Si ce rêve doit rester imaginaire — me permettriez-vous de vous rendre visite quand je rentre en France après avoir accompli mon travail avec *cam<arade> Dimitroff*?

Croyez toujours, cher Maître, à mon dévouement sincère.

Votre

Alfred K u r e l l a

Mon adresse ici:

Mr. A. Курелла
41, rue Gorki
Hôtel Sojousnaya, ch. 57
Moscou

Перевод

Москва, 5 апреля 34 г.

Дорогой мэтр,

мне чутью стыдно, что я так долго не подавал вам ни малейшего признака жизни.

В конце января я покинул Париж, чтобы поехать в СССР. Вы знаете, как (и почему) мы так стремимся время от времени подышать воздухом этой страны.

Поездка эта закончилась для меня исключительно счастливо. По приезде нашего товарища Димитрова, который меня давно знает, я был приглашен им для помощи в работе над книгой воспоминаний о Лейпцигском процессе, которую он пишет¹. Вот уже месяц, как я с ним, и должен сказать, что эти дни, насыщенные совместным трудом, могут считаться самыми счастливыми в моей жизни.

На днях тов. Димитров получил ваше письмо, которое его очень тронуло, и он всегда говорит о вас с глубоким восхищением.

В связи с этим я почувствовал потребность снова написать вам. Я вспомнил о нашей переписке конца 1933 г. по поводу последних томов «Очарованной души». Помните ли, что вы мне написали о революции в западных странах?² Вам, так сказать, недоверие к революционным силам и перспективам наших европейских народов причиняло мне немало огорчений. Я не знал, как доказать вам, что речь идет не об иллюзии, не об оптимистической мечте, когда я утверждаю, что нашей целью, целью революционеров и «западников» до мозга костей, может быть только торжество социализма в *наших собственных странах*, в этой чудесной Германии, в этой прекрасной Франции.

Тем временем, перед нами прошли крупные события в Австрии и замечательная борьба трудящихся во Франции против нарождающегося фашизма. Эти последние события можно рассматривать как следствие и непосредственный результат нашего амстердамского движения, одним из инициаторов которого вы являетесь. Самое же главное и самое важное — у нас был Димитров. Теперь, когда я так тесно связан с ним совместной работой, я вижу, насколько он, новый *советский* гражданин, разделяет

мою, нашу точку зрения на *западную* революцию, — он, чья мысль вращается преимущественно вокруг революционного движения его собственного болгарского народа!

Мне очень хотелось бы найти средство заставить вас разделить эту великую и глупую веру — столь далекую от всякой «веры» в религиозном значении этого слова — в наше *европейское* дело, в неиссякаемые силы наших пролетарских и трудящихся масс Европы.

Разве и последние события также не смогли убедить вас? Разве и сейчас вы не согласились бы, что следует заставить «сына Марка» (в воображаемом романе «Двадцать лет спустя»³) примкнуть к фронту революционеров-коммунистов во Франции, в Германии и даже в Швейцарии?

Я был бы так счастлив прочесть ваш ответ на этот вопрос и видеть вас «с нами» вплоть до этого последнего вывода!

Одна фраза в вашем письме к Димитрову позволяет мне надеяться, что ответ не будет отрицательным!

Я был очень опечален, узнав из того же письма, что ваше здоровье по-прежнему отсавляет желать лучшего. Мне так хотелось бы иметь возможность повидаться с вами *здесь*. Вы и представить себе не можете, каким важным событием явился бы ваш приезд в СССР. Неужели нельзя рассчитывать, что это может осуществиться?

Если мечте этой суждено остаться только игрой воображения, не позволите ли вы мне посетить вас по моем возвращении во Францию, после того как я закончу работу с тов. Димитровым?

Верьте, дорогой мэтр, в мою неизменную искреннюю преданность.

Ваш

Альфред Курелла

Мой адрес здесь:

г. А. Курелле,
улица Горького, № 41
гостиница «Союзная», комн. 57
Москва

Фотокопия с автографа, хранящегося в Парижском архиве Роллана. ИМЛИ, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 18, л. 1—7.— Перевод Л. Р. Ланского.

¹ См. кн.: G. D i m i t r o v. Lettres, notes et documents datant de ma détention et du procès de Leipzig. Traduit de l'allemand par Marcel Willard. Lettres, notes et documents recueillis et présentés par Alfred Kurella. P., 1936.

² Курелла имеет в виду п. 16.

³ Отклик на высказывание Роллана в п. 15.

23. А. КУРЕЛЛЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
21 avril 1934

Cher Alfred Kurella,

J'ai été heureux de recevoir votre lettre. Je vous en remercie, ainsi que de l'amical salut du camarade Dimitrov.

Je viens d'envoyer aux *Izvestia*, par l'intermédiaire de Sadoul, un salut du premier mai, qui vous affirmera, une fois de plus, mes convictions révolutionnaires¹. — Mais quant à mes prévisions pour l'Occident, elles ne se sont pas améliorées. Ce ne peut être une question de «foi», comme vous m'écrivez. La foi est un puissant levier pour l'action des masses. Mais elle ne doit avoir rien à faire dans l'appréciation, par ceux qui pensent, de la situation réelle. Et cette situation me paraît grave, en France. L'élan des masses rassemblées le 12 février² ne peut faire oublier qu'elles restent encore incertaines et divisées, et très insuffisamment organisées et armées. En face, un gouvernement de Versaillais, avec un outillage et des armées, comme Thiers n'en avait point. Je ne joue point le rôle présomptueux de prophète; dans le bouleversement catastrophique de l'atmosphère d'aujourd'hui, on ne peut déterminer exactement, un mois à l'avance, la survenue et la marche des cyclones et des anticyclones. Mais parmi les probabilités météorologiques.

celle d'une guerre déclanchée par le petit Barthou et ses patrons des Forges ³ contre l'Allemagne n'est pas exclue, pour cet été,— et, à sa faveur, l'écrasement préalable, brusque et brutal, des résistances prolétariennes que l'on prévoit, avant peut-être qu'elles n'aient eu le temps de se manifester. Une fois le plus, mais avec une force centuplée par la puissante organisation de propagande nouvelle (la presse des Forges et les Banques, et leurs bandes de mercenaires), jouera le vieux ressort de la *Salus Publica*.— La gloire meurtrie des journées de Vienne ⁴, et de celles qui s'apprêtent à Paris, peut (et je le crois) avoir un brûlant rayonnement sur la Révolution internationale à venir,— de même que la Commune de Paris a nourri de ses sacrifices la Révolution russe. Mais en France même, où elle a brûlé (je l'ai bien vu, moi qui suis de son âge — j'avais 5 ans en 71) — elle a vidé les veines de la Révolution de son meilleur sang, pour un demi-siècle.

Une telle pensée n'a rien d'ailleurs pour me faire fléchir. Non seulement j'ai été habitué, depuis l'enfance, à n'avoir pas besoin *d'espérer pour entreprendre, ni de réussir pour persévérer*⁵.—Mais je puise une énergie indestructible dans ma pensée *internationale*. Elle est l'essence-même de mon être,— le plus profond, le plus durable. Je suis beaucoup plus internationaliste que vous et Dimitrov. Je n'ai pas une once de sentiment national. (Et pourtant j'aime les bonnes gens de France,— mais pas plus ni mieux que les bonnes gens des autres pays. Et j'aime la pensée et l'art de France, mais je ne lui attribue aucune préférence sur la pensée et l'art d'autres pays; et somme toute, j'ai fait ma chair de la substance de toute la terre,— de tout ce que j'ai pu en assimiler.) — Dans ces conditions je ne puis jamais être affecté à fond de quelque échec, ou d'un retard dans la marche en avant de quelque pays,— le mien ou d'autres. Je suis *certain* qu'ailleurs la marche en avant se poursuit. Et rien au monde ne l'arrêtera. Le dernier mot sera toujours à *l'Internationale*, jamais figée en un point fixe, toujours marchant et combattant, toujours montant et s'élargissant. Ce n'est pas une «foi», c'est *une Loi*, c'est le destin même de l'essor humain. La conscience claire que j'en ai me permet de tout supporter,— non seulement avec patience,— mais avec une sorte de joie muette et triomphale. Car rien ne peut rien contre la Loi. Toute réaction s'y brisera.

En attendant, notre citadelle la plus ferme est l'U.R.S.S. Il faut la rendre inexpugnable. Nous y apporterons nos cœurs, comme matériaux. Je vous envie, vous et Dimitrov, de vivre en contact immédiat avec elle. Saluts fraternels à vous les deux

Votre
Romain R o l l a n d

Voici des mois, des mois que je n'ai plus de nouvelles directes de Maxim Gorki. Je lui écris, il ne réponds pas. Est-il malade? Existe-t-il quelque malentendu, que je ne m'explique pas, à mon égard? ⁶

Vous me feriez plaisir en tâchant d'élclaircir cet état de choses. J'en suis peiné.

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
21 апреля 1934 г.

Дорогой Альфред Курелла,

Я был рад получить ваше письмо. Благодарю вас и за него и за дружеский привет от товарища Дмитрова.

Я только что отправил в «Известия», через Садуля, первомайское приветствие, которое еще раз подтвердит вам мои революционные убеждения ¹. Что же касается моих предвидений в отношении Запада, то они не изменились к лучшему. Это не может быть вопросом «*веры*», как вы мне пишете. Вера — могучий рычаг для борьбы масс. Но она неуместна в оценках тех, кто размышляет о реальном положении дел. А положение во Франции кажется мне серьезным. Порыв масс, слототившихся 12 фев-

COMITÉ RÉGIONAL DU PARTI COMMUNISTE - LYON

LE SANG A COULÉ !

C'est le prix de la décrépitude de la Démocratie bourgeoise et de la Marche au Fascisme

Avec nous, Communistes, tous les Travailleurs diront :

PAS PLUS DE MITRAILLEUSES "DEMOCRATIQUES" QUE DE MATRAQUES FASCISTES !**PAS PLUS DE GOUVERNEMENT STAVISCRATE QUE D' HITLERIENS FRANCAIS !**

Pour la Dissolution des Ligues Fascistes et l'Arrestation de CHIAPPE !

A bas le Gouvernement DALADIER-FROT-PATENOTRE !

Vive le Gouvernement OUVRIER-PAYSAN !**MANIFESTEZ** partout où sont concentrées les masses**Assistez en foule le VENDREDI 9 FÉVRIER à 20 heures**

SALLE DE L'UNITAIRE, 129, Rue Boileau au

MEETING du **PARTI COMMUNISTE**

LISEZ "LA VOIX DU PEUPLE" ET "L'HUMANITÉ"

«КРОВЬ ПРОЛИЛАСЬ!»

Плакат, выпущенный Районным комитетом коммунистической партии (Лион) в связи с попыткой фашистского путча 6 февраля 1934 г.

Перевод первых строк: «Кровь пролилась! Это расплата за бессилие буржуазной демократии и сближение с фашизмом. Пусть же вместе с нами, коммунистами, все трудящиеся скажут: „Ни „демократических“ пулеметов, ни фашистских дубинок!..“»

Музей Революции СССР, Москва

раля², не может заставить нас позабыть, что они еще нерешительны и разобщены и весьма недостаточно организованы и вооружены! Им противостоит правительство версальцев с вооружением и армией, каких не было у Тьера Я вовсе не разыгрываю роль самонадеянного пророка; при нынешних катастрофических потрясениях атмосферы невозможно точно предугадать за месяц вперед неожиданное вторжение и путь циклонов и антициклонов. Но среди метеорологических вероятностей этого лета не исключена война против Германии, которую могут развязать какой-нибудь маленький Баргу и его хозяева из Forges³, предварительно подавив с этой целью, внезапно и жестоко, возможное сопротивление пролетариата—его предвидят, пожалуй, еще прежде, чем оно успеет обнаружиться. И тогда снова, но во сто раз усиленная мощной организацией современной пропаганды (пресса Forges и банков, а также банда их наемников), сработает старая дружина Salus Publica*. Скорбная слава Венских дней⁴ и событий, назревающих в Париже, может озарить (и я этому верю) жгучими лучами грядущую международную революцию,— подобно тому как Парижская Коммуна вскормила своими жертвами Революцию русскую. Но в самой Франции, где она возгорелась (я сам видел ее, так как я ее ровесник — мне было пять лет в 71 году),— она на полвека лишила самой лучшей крови жилы Революции.

Подобная мысль не может, однако, сломить меня. Я не только привык с детства обходиться без потребности «в надежде, чтобы действовать, и в успехе, чтоб упорствовать»⁵,— но я черпаю неистощимую энергию в своих интернационалистских убеждениях. Это самая сущность моего я,— наиболее глубокая и наиболее устойчивая. Я в гораздо большей степени интернационалист, чем вы и Димитров. Во мне нет

* Общественного спасения (лат.).

ни грана национального чувства. (Я, конечно же, люблю славных французов — однако ничуть не больше, не горячее, чем славных людей из других стран. И я люблю мысль и искусство Франции, но не отдаю им никакого предпочтения перед мыслью и искусством других стран; словом, я вскормлен соками всей земли — всем, что я смог усвоить.) Благодаря этому неудача или задержка поступательного движения в какой-либо стране — моей или чужой — никогда не могут повергнуть меня в глубокое уныние. Я уверен, что поступательное движение будет продолжаться в другом месте. И ничто на свете не остановит его. Последнее слово всегда останется за *Интернационалом*, который никогда не застынет на мертвой точке, всегда в движении и в борьбе, всегда на подъеме и в широком размахе. Это не «вера» — это Закон, это сама судьба человечества в его развитии. Ясное понимание этого позволяет мне все переносить — не только терпеливо, но и с чувством какой-то молчаливой и торжествующей радости. Ибо ничто и никогда не может противостоять Закону. О него разобьется любая реакция.

Пока же самый надежный наш оплот — СССР. Надо сделать его неприступным. Мы принесем туда свои сердца как строительный материал. Завидую вам, вам и Дмитрову, что вы живете в непосредственном общении с этой страной. Братский привет вам обоим.

Ваш Роллан Р о л л а н

Вот уже месяцы, целые месяцы как я не получаю известий от Максима Горького. Пишу ему — он не отвечает. Не болен ли он? Нет ли здесь в связи со мной какого-то непонятного мне недоразумения?⁶

Вы порадуете меня, если постараетесь выяснить, в чем дело. Я огорчен этим.

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 19, л. 13—14 об. — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ 1 мая 1934 г. в «Известиях» (№ 102) было опубликовано первомайское приветствие Роллана под заглавием «Наш светоч и надежда». В собрания сочинений Роллана оно не вошло, поэтому приводим его здесь полностью:

«Я могу сказать только немного. Мы на Западе находимся накануне чудовищного нападения всех фашистских и империалистических сил на рабочие массы, на социализм и даже на последние остатки демократических свобод. Мы не можем еще предвидеть исхода этой борьбы не на жизнь, а на смерть. Несмотря на мужество пролетариата, недостаточно организованного и вооруженного, ближайшее будущее мрачно.

Наш светоч в этой борьбе, наш пример, наша надежда — это мощное социалистическое строительство в СССР, строительство дел, строительство душ. СССР возвышается над необозримыми руинами мира как цитадель суверенного труда и человеческого прогресса. Мы будем бороться за него. Пусть он растет и крепнет для нас! Когда будут осуществлены его гигантские планы, соотношение сил в мире изменится. Один факт его существования разрушает искусственные сооружения фашизма на Западе и на Дальнем Востоке, построенные на насилии. Угнетенные всего мира, освободившись от своих цепей, соберутся вокруг СССР.

Тогда принесут, наконец, плоды все многочисленные жертвы — и прославленные, и незаметные. Проигранные бои западного пролетариата, как Парижская Коммуна и кровавые дни Вены, тогда увенчаются ореолом победы. И их слава будет начертана на стенах Кремля — Пантеона Истории».

² 12 февраля 1934 г. во Франции была проведена всеобщая забастовка трудящихся. Борьба, начавшаяся в февральские дни 1934 г., завершилась на выборах 1936 г. победой партий Народного фронта.

³ «Comité de Forges» — организация владельцев французских металлургических предприятий, основанная еще в 1864 г. Она проводила реакционнейшую милитаристскую политику вплоть до 1940 г., когда формально ликвидирована.

⁴ В феврале 1934 г. в Вене произошло массовое восстание против австро-фашизма, которое было жестоко подавлено реакционным правительством Дольфуса.

⁵ Выражение, приписываемое герцогу Вильгельму Насаускому (1533—1584). Вариант его встречается в «Севильском цирюльнике» Бомарше (д. I, сц. 6).

⁶ Молчание Горького, очевидно, было связано с его болезнью и переездом из Сорренто в Москву. В письме к Горькому от 3 мая 1934 г. А. Курелла сообщил ему о тревоге Роллана, дословно приведя постскриптум из публикуемого письма. 27 июня Курелла снова напомнил Горькому об апрельском письме Роллана, на что получил ответ (от 10 июля): «Уважаемый г. Курелла — Роллану писал. Имею от него ответные письма, последнее получил на днях» («Архив А. М. Горького», т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, стр. 200—201).

24. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
22 mars 1935

Cher camarade,

Votre idée de film me paraît très intéressante ¹. En tout cas, il est évident que, comme l'a dit Dimitroff dans son discours aux écrivains (reproduit dans le dernier N° de la *Correspondance Internationale*), l'art révolutionnaire a la plus belle matière vivante sous la main, et qu'il est incroyable qu'il n'en ait pas fait emploi, jusqu'à présent ². Vous faites donc bien de donner l'exemple. Le chemin ouvert par vous sera suivi.

Mais en ce qui me concerne, je regrette de ne pas vous faire la réponse que vous me demandez. J'ai une répugnance invincible à me faire cinématographier (image et voix), dans une scène de théâtre (car, «documentaire» ou non, c'est du théâtre). J'ajoute que je ne me vois même pas composant un article, en le parlant, et me promenant, etc.! Tout, chez moi, se passe dans la forge intérieure. — Et je comprends qu'un dramaturge ait le droit de le transposer en gestes (comme Frans Masereel, quand il me représentait au piano, en convulsionnaire, alors que je reste, au contraire, immobile et apparemment impassible: «Car, disait-il, il faut bien que je représente la passion intérieure»...³ J'avoue que je protestais et que je proteste encore contre cette forme de *traduttore traditore*...). — Mais je ne puis pas «jouer».

Et malheureusement, je n'ai aucune autre prise cinématographique de moi à vous offrir: on ne m'a jamais cinématographié.

Mais je ne m'oppose pas, en principe, à ce que vous me fassiez suppléer, épisodiquement, par quelque acteur. C'est votre droit. Puisque j'ai eu l'honneur d'entrer, épisodiquement, dans cette grande action historique que vous faites revivre, vous pouvez m'y introduire, comme figurant, dans les limites du modeste rôle réel que j'ai pu «jouer». Mais ce «jeu»-là, au sens figuré, ne comptez pas sur moi pour le «représenter» sous forme scénique!⁴

Je vous serre amicalement la main, et je vous prie de transmettre mes amitiés à Dimitrov ⁵.

Votre

Romain Rolland

Il est possible que nous venions à Moscou, cet été, si aucun accident de santé — ou autre — ne se produit ⁶.

На конверте:

URSS. Mr. A. Курело
Moscou, 9. 36, rue Gorki, Chambre 192
Exp. Romain Rolland. Villeneuve (Vaud)

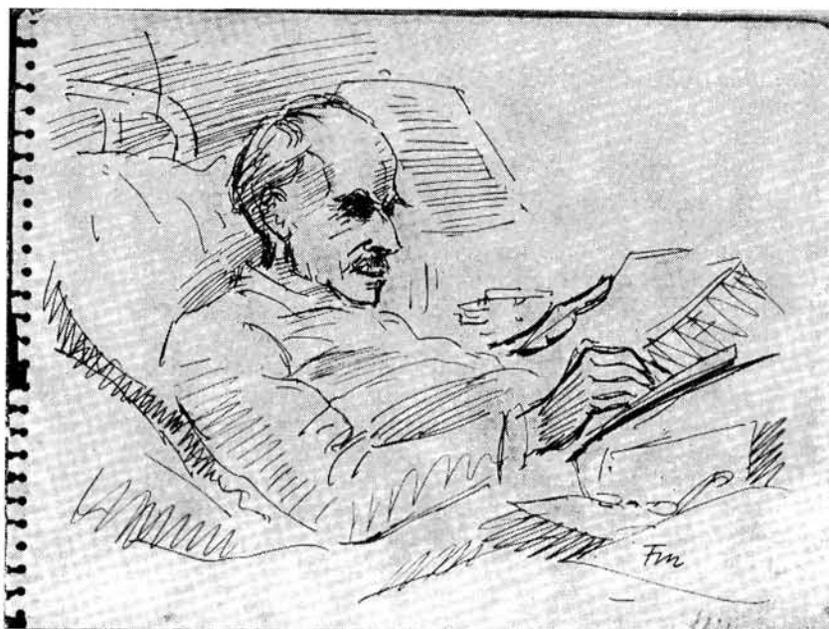
Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
22 марта 1935 г.

Дорогой товарищ,

ваша мысль о фильме кажется мне очень интересной ¹. Во всяком случае, совершенно очевидно, как сказал об этом Димитров в своей речи, обращенной к писателям (она воспроизведена в последнем номере «*Correspondance Internationale*»): у революционного искусства под руками прекраснейший живой материал, и просто поразительно, что до сих пор его так мало используют ². Вы отлично делаете, подавая пример. По проложенному вами пути пойдут и другие.

Что касается меня, то, к сожалению, я не могу дать вам ответ, какого вы от меня ждете. Я испытываю непреодолимое отвращение при мысли о том, что меня (мое изображение и мой голос) будут воспроизводить в театрализованном действии для кино (либо всякий фильм — «документальный» или недокументальный — это тот же театр). К тому же я не представляю себе, как можно сочинять статью, размышляя вслух, прогуливаясь и т. п.! У меня все куется во внутренней кузнице. Но я понимаю, что драматург имеет право показать это через движение (как Франс Мазереель, когда он изображал меня у фортепьяно как бы в судорогах, хотя я, напротив, всегда неподвижен



РОМЕН РОЛЛАН

Рисунок Франса Мазерееля, 1922

Предоставлен «Литературному наследству» художником; хранится в его собрании, Ницца и внешне бесстрастен... «Но,— говорил он, — нужно же было мне выразить внутреннюю страсть...»⁵ Признаюсь, я протестовал и продолжал протестовать против такой формы traduttore traditore...*). Но «играть» я не могу.

И, как это ни огорчительно, я не могу предложить вам никакой кинематографической ленты о себе: меня никогда не снимали для кино.

Однако в принципе я не возражаю, если в отдельных случаях вы замените меня каким-нибудь актером. Это ваше право. Поскольку мне выпала честь эпизодически участвовать в том великом историческом событии, которое вы собираетесь воссоздать, вы можете вывести меня в качестве статиста, в пределах той действительно скромной роли, которую я «сыграл». Но не рассчитывайте на меня как на сценического «исполнителя» для этой «игры», в переносном смысле слова!⁴

Дружески жму вам руку и прошу передать от меня сердечный привет Димитрову⁵.

Ваш

Ромен Р о л л а н

Возможно, нынешним летом мы приедем в Москву, если не помешает какая-либо непредвиденная болезнь или еще что-нибудь.⁶

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 21, л. 1—2. — Перевод Т. В. Балашово й.

¹ Курелла написал сценарий кинофильма «Борцы» (о Лейпцигском процессе) в сотрудничестве с драматургом Г. Вангенгеймом и известным кинорежиссером Й. Ивенсом. Консультировал авторов фильма сам Г. Димитров, а также Горький (см. «Архив А. М. Горького», т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, стр. 203—204).

² Речь Г. Димитрова на антифашистском вечере в Доме литераторов в Москве 28 февраля 1935 г. появилась в «Correspondance Internationale» 16 марта того же года (№ 22-23) под названием «Революционная литература в борьбе против фашизма».

³ Ф. Мазереель сблизился с Ролланом в годы первой мировой войны, в Швейцарии, и с 1919 г. начал иллюстрировать его произведения. В переписке Роллана и Ма-

* переводчика-предателя (итал.).



РОМЕН РОЛЛАН НА ПРОГУЛКЕ

Рисунок Франса Мазерееля, 1922

С репродукции, предоставленной «Литературному наследству» художником

зерееля последующих лет живо обсуждаются различные творческие проблемы. В 1925—1927 гг. Мазереелем была выполнена серия гравюр на дереве для «Жана-Кристофа». Мазереель часто бывал у Роллана и рисовал его с натуры. Роллану рисунки эти нравились далеко не всегда. Так, 27 мая 1936 г. Роллан пишет Мазереелю об одном эскизе: «Простите, но я не узнаю себя в этом портрете. Понимаю — себя узнать трудно, но моя жена и сестра того же мнения. Многие ваши наброски из тех, что вы сделали здесь, кажутся более удачными, и нам хотелось бы, чтобы вы подготовили альбом...» (Парижский архив Роллана). Мазереель не опубликовал рисунки, встретившие неодобрение Роллана. Неизвестен и портрет Роллана у фортепьяно, о котором идет речь в данном письме. По просьбе редакторов настоящего тома, Мазереель прислал для публикации неизданный портрет Роллана с натуры (1922) — см. его воспроизведение на стр. 320.

⁴ Роллан в фильме «Борцы» не фигурировал.

⁵ Димитров писал к Роллану чувство глубокого уважения и признательности. В обращении от 18 марта 1934 г., напечатанном в «Monde» 31 марта, Димитров писал: «Вам, дорогой Ромен Роллан и дорогой Анри Барбюс, и всем тем, кто в течение этого года оказал нам помощь, я приношу благодарность от нашего имени и от имени нашего Интернационала и с радостью думаю о тех днях, когда мы снова плечом к плечу будем стоять против нашего общего врага».

⁶ Роллан с женой был в Москве с 23 июня по 21 июля 1935 г.

25. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), 10 août 1935

Cher camarade Kurella,

Non, vous n'avez pas bien fait de vous effacer aussi complètement (quoique je vous remercie d'avoir songé à ma fatigue, qui a été, certains jours, assez pesante)¹. — J'aurais aimé à vous parler, — et particulièrement, à Meshrabpom², où vous m'auriez expliqué plus complètement votre film.

Vous ne vous trompez pas, en imaginant l'émotion reconnaissante que je rapporte de ce premier séjour en U.R.S.S., de ce premier contact immédiat avec ces milliers d'amis, dont ma femme n'a pas encore fini de me dépouiller les lettres, reçues de tous les coins du pays, — les plus frappantes, les plus touchantes, les plus simples, d'ouvriers d'usines, de fabriques ou de kolchoz, ou de soldats. Leur fierté joyeuse du monde nouveau qu'ils édifient,

leur confiance, leur foi absolue, leur certitude en l'avenir, sont exaltantes. C'est une grande vague de l'histoire de l'humanité. — Plus encore que les monumentales constructions, j'admire les âmes qu'on a bâties.

Je vous souhaite de voir la Révolution que vous attendez, dans le reste de l'Europe. Elle couve partout; mais tout dépend des organisateurs; et jusqu'à présent, ils font défaut. — Je viens de lire, dans le dernier № de *Lu* (9 août), un article de Gérard Walter (textes inédits) sur *Les Vaincus du 9 Thermidor*³. Il a raison de souligner (on ne l'a jamais fait jusqu'ici) qu'ils ont été vaincus, parce qu'ils n'ont pas su, ils n'ont pas voulu vraiment vaincre. Ils avaient la victoire dans les mains. Robespierre n'a pas su «l'organiser» (au sens du titre qu'on a donné à Carnot dans les armées «l'organisateur de la victoire»). Il a flanché. — Pas de Révolution victorieuse, sans un Lénine ou un Staline, qui la guide! Où sont ceux de l'Occident? Ils sont peut-être. Mais ils ne se sont pas encore fait connaître.

Affectueusement à vous. Cordial salut de Marie Pavlovna.

Romain R o l l a n d

Nous avons regretté de ne pas avoir eu la possibilité de revoir Ervin Simko et sa femme. Voulez-vous leur transmettre notre salut, avec l'espoir d'échanger de temps en temps des nouvelles avec eux.

Перевод

Вильнёв (Во). 10 августа 1935 г.

Дорогой товарищ Курелла,

нет, вы нехорошо поступили, совершенно исчезнув (все же я признателен вам за то, что вы подумали о моей усталости, которая в отдельные дни довольно сильно давала о себе знать)¹. Я был бы рад побеседовать с вами, в частности, в Межрабпоме², где вы более подробно рассказали бы мне о своем фильме.

Вы не ошибаетесь, представляя себе то чувство благодарности, какое я вынес от своего первого пребывания в СССР, от этого первого непосредственного общения с тысячами друзей, письма которых, присланные со всех концов страны, моя жена еще не успела окончательно разобрать для меня, — самые волнующие, самые трогательные, самые простые — от заводских и фабричных рабочих, колхозников, солдат. Их радостная гордость новым миром, который они строят, их доверие, их непоколебимая убежденность, их вера в будущее воодушевляют. Это девятый вал истории человечества. Еще больше, чем величественными стройками, восхищаюсь я созданными душами.

Желаю вам увидеть Революцию, ожидаемую вами, и в остальной Европе. Она зреет повсюду; но все зависит от организаторов, а их до сих пор не хватает. Недавно я прочел в последнем номере «*Lu*» (от 9 августа) статью Жерара Вальтера о «*Побежденных 9 термидора*» (неизданные тексты)³. Он прав, подчеркивая (до сих пор этого никогда не делали), что они были побеждены потому, что не умели, по-настоящему не хотели победить. Победа была у них в руках. Робеспьер не сумел ее «организовать» (в том смысле, в каком Карно называли в армии «организатором победы»). Он заколебался. Не может быть победоносной революции без таких руководителей, как Ленин или как Сталин! А где же подобные им на Западе? Возможно, что они есть. Но они еще не проявили себя.

Искренне ваш. Сердечный привет от Марии Павловны.

Ромен Р о л л а н

Мы сожалели, что не имели возможности снова повидаться с Эрвином Шинко и его женой. Будьте добры, передайте, что мы шлем им наш привет и надеемся время от времени обмениваться с ними вестями.

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 21, л. 3—4. — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Во время пребывания Роллана в Москве Курелла не напоминал о себе, боясь еще больше утомить писателя, дни которого были перегружены многочисленными встречами и беседами.

² *Межрабпом* — одна из тогдашних московских кинофабрик, где снимался фильм «Борцы» (см. примеч. 1 к п. 24).

ПИСЬМО РОМЕНА РОЛЛАНА
К АЛЬФРЕДУ КУРЕЛЛЕ,
ВИЛЬНЁВ, 10 АВГУСТА 1935 г.

Автограф. Лист первый

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР,
Москва

Villeneuve (Vaud) 10 août 1935

Cher camarade Kurella

Non, vous n'avez pas bien fait de vous effacer aussi complètement — (quoique je vous remercie d'avoir songé à ma fatigue, qui a été, certes, pour, assez pesante) — j'aimais à vous parler, — particulièrement à Moshkabrava, où vous m'avez expliqué très complètement votre film.

Vous ne vivez toujours pas, en imaginant l'émotion décevante que je ressente de ce premier séjour en 44, de ce premier contact immédiat avec ces milliers d'amis, dont ma femme n'a pas encore fini de me dépouiller les lettres, remplies de

³ В парижском журнале «Lu dans la presse universelle», № 32 от 9 августа 1935 г. была напечатана статья Ж. Вальтера «Les vaincus du 9 Thermidor» («Побежденные 9 термидора»), в которой он опубликовал и сопроводил комментарием различные документы, освещающие обстоятельства падения и гибели Робеспьера.

26. С. ДИНАМОВ — РОЛЛАНУ

Moscou, le ...août 1935

Mon cher Rolland,

J'ai le plaisir de vous envoyer le numero 6 de l'édition française de la *Littérature Internationale*. Il me semble que le récit de Malz *l'Homme sur la Route* mérite votre attention — c'est la langue rude et laconique de la douleur.

Sans doute, vous connaissez déjà les nouvelles de Babel — elles sont vraiment tout-à-fait françaises par leur style ¹.

Très cordialement à vous

Sergei D i n a m o v ²

Перевод

Москва, ...августа 1935 г.

Мой дорогой Роллан,

с удовольствием посылаю вам № 6 французского издания «Интернациональной литературы». Мне кажется, что рассказ Мальца «Человек на дороге» заслуживает вашего внимания — это суровый и лаконичный язык страдания.

Без сомнения, вам знакомы уже рассказы Бабеля — совсем французские по стилю ¹.

Сердечно преданный вам

Сергей Д и н а м о в ²

Машинопись с автографической подписью на бланке МОРПа (фотокопия с подлинника, хранящегося в парижском архиве Роллана). ИМЛИ, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 12, л. 2. — Перевод Т. В. Б а л а ш о в о й.

¹ Рассказы Бабеля, помещенные в этом номере журнала, — «Гюи де Мопассан» и «Нефть».

² В парижском архиве Роллана сохранилось еще одно письмо Динамова (1932 г.), датированное «14 ноября». Приводим его текст в переводе с французского (фотокопия в ИМЛИ — ф. 5, оп. 2, ед. хр. 12, л. 1):

«Дорогой товарищ Роллан,

даю распоряжение об отправлении вам сегодня ряда музыкальных произведений наших советских авторов — к пятнадцатой годовщине Октябрьской революции. Посылаю вам также альбом диаграмм (с английским текстом) о борьбе за выполнение пятилетнего плана. Вы найдете при настоящем письме интересную статью о подъеме культуры в СССР, а также статью о школьной жизни того пригорода Москвы, в котором я живу.

Братский привет.

Сергей Д и н а м о в .

27. С. ДИНАМОВУ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
1 octobre 1935

Cher camarade Sergei Dinamov,

J'ai beaucoup à vous remercier, — et d'abord de ce que vous avez écrit de si chaleureux à mon sujet: j'en ai été très touché ¹.

Merci également pour vos envois de la *Littérature Internationale* ² où j'ai lu avec un intérêt particulier les articles et les nouvelles que vous m'indiquez, — notamment la pittoresque *Nuit de St. Barthélemy* de Heinrich Mann ³ (qui m'a d'autant plus intéressé que, quand j'étais étudiant à l'Ecole Normale Supérieure, j'ai consacré une année à étudier, d'après les correspondances et les journaux authentiques du XVI^e siècle, tous les prodromes de la St. Barthélemy. J'en ai même conservé un Mémoire, consacré au journal d'un curé de province, près de Paris, — Claude Haton).

Je suis malheureusement empêché de répondre à votre invitation du 22 septembre ⁴. Vous ne pouvez vous imaginer de combien de tâches je suis chargé. Surtout, depuis la mort de Barbusse, dont il faut reprendre la succession. J'ai dû assumer notamment la présidence et le contrôle au *Comité Mondial de Lutte contre la guerre et le fascisme*. J'ai aussi à porter la présidence du *Comité international d'aide aux emprisonnés et déportés antifascistes italiens*. J'ai, en cette qualité, à écrire quotidiennement un grand nombre de lettres. Je participe à beaucoup d'autres Comités d'action. Depuis mon retour de Moscou ⁵ je n'ai pu trouver une heure pour mon œuvre propre. Et moins que jamais cela ne m'est possible en cette heure d'extrême tension politique, de veillée de guerre Méditerranéenne, sinon Européenne. Dans ces conditions, il m'est bien difficile d'écrire les articles, — comme on m'en demande à tout instant, — ou des réponses à des enquêtes. Je ne pourrais répondre à la vôtre qu'en quelques mots, qui ne seraient pas très intéressants⁶: car il est évident que l'intelligence d'Occident a été pendant ses derniers mois généralement préoccupée des mêmes soucis: l'aventure Ethiopienne et le conflit inévitable italo-britannique, la guerre qui vient, la mort de Henri Barbusse, et, dans notre France, les préparatifs militaires du fascisme auxquels répond le puissant mouvement d'Unité prolétarienne. Ce que je vous résume ici, je n'aurais guère le temps de vous le développer, je ne pourrais que vous le répéter en dix ou quinze lignes. Excusez-moi! Le travail accumulé excède les forces d'un vieux homme de 70 ans. Et cependant jamais il n'aurait eu plus de choses à dire ou à écrire sur une quantité de sujets, — si seulement «*Deus nobis haec otia fecisset*» ⁷ — si des loisirs nous étaient donnés!..

Je crois que, malgré tout, vous, les intellectuels soviétiques, devez avoir en U.R.S.S. plus de loisirs que nous en Occident, — d'abord parce que vous êtes beaucoup plus nombreux à vous partager les tâches (en France, nous ne sommes qu'une toute petite poignée, toujours les mêmes pour tout faire), —

ensuite, parce que l'U. R. S. S. est actuellement un peu plus en dehors du cercle de feu qui s'allume dans la Méditerranée, et qu'elle a fait sa « guerre civile », — alors que celle-ci reste à faire en Occident et qu'elle menace.

Je vous serre la main fraternellement.

Votre dévoué
Romain Rolland

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
1 октября 1935 г.

Дорогой товарищ Сергей Динамов,

хочу от души поблагодарить вас, — и прежде всего за то, что вы написали такие горячие слова обо мне. Они меня глубоко тронули ¹.

Спасибо также за то, что присылаете «Littérature Internationale» ², где я с особым интересом прочитал статьи и рассказы, указанные вами, — в частности, красочную «Варфоломеевскую ночь» Генриха Манна ³ (она меня тем более заинтересовала, что, будучи студентом Ecole Normale Supérieure, я целый год посвятил изучению, по переписке и подлинным дневникам XVI века, всех обстоятельств, предшествовавших Варфоломеевской ночи. У меня даже сохранилось с той поры сочинение, посвященное дневнику одного деревенского кюре, жившего близ Парижа, — Клода Атона).

К сожалению, я лишен возможности откликнуться на ваше приглашение от 22 сентября ⁴. Вы не можете себе представить, сколько у меня обязанностей! Особенно после смерти Барбюса, дело которого надо продолжать. Так мне пришлось стать председателем и взять на себя контроль во *Всемирном комитете борьбы против войны и фашизма*. На мне лежат также обязанности председателя *Международного Комитета помощи итальянским антифашистам — узникам и изгнанникам*. В этом качестве я вынужден ежедневно писать множество писем. Я принимаю участие и в разных других комитетах действия. С самого возвращения из Москвы ⁵, я не смог найти и часа для личной работы. А теперь, в час крайней политической напряженности, накануне Средиземноморской, если не европейской, войны — это для меня еще менее возможно, чем когда-либо. В таких условиях мне очень трудно писать статьи, которые у меня поминутно просят, или отвечать на анкеты. И на вашу я смог бы ответить лишь в нескольких, но особенно интересных словах ⁶, ибо совершенно ясно, что умы на Западе в последние месяцы были взволнованы, в основном, одними и теми же тревожными событиями: эфиопской авантюрой и неминуемым итало-британским конфликтом, надвигающейся войной, смертью Анри Барбюса и, у нас во Франции, военными приготовлениями фашизма, ответом на которые является мощное движение пролетарского Единства. Развить то, что я вам здесь представляю в сжатом виде, я вряд ли смогу из-за отсутствия времени; я мог бы только повторить вам это в десяти или пятнадцати строках. Извините же меня! Работа, которой становится все больше и больше, изматывает силы старого, 70-летнего человека. И тем не менее, у него никогда не было такой острой необходимости высказываться и писать по множеству вопросов, — если бы только «Deus nobis haec otia fecisset» ⁷ — если б нам дан был этот досуг!.

Думаю, все-таки, что у вас, советских интеллигентов, должно быть в СССР досуга больше, чем у нас на Западе, — прежде всего потому, что вы можете делить обязанности между большим количеством участников (во Франции нас только крохотная горстка, всегда на всё одни и те же), — и еще потому, что СССР теперь находится несколько в стороне от огня, разгорающегося вокруг Средиземного моря, и что ваша родина уже завершила свою «гражданскую войну», — тогда как Западу она еще предстоит, еще угрожает.

Братски жму вашу руку.

Преданный вам
Ромен Р о л л а н

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1—2 об. — Перевод Т. В. Бала-шовой.

¹ Речь идет, очевидно, о статье Динамова, посвященной Роллану («Пламенное сердце человечества») и появившейся в «Правде» 25 июня 1935 г. (№ 173).

² См. предыдущее письмо.

³ Под названием «Варфоломеевская ночь» был опубликован в № 7 французского издания «Интернациональной литературы» 1935 г. отрывок из романа Г. Манна «Юность короля Генриха IV».

⁴ Роллана приглашали приехать в Советский Союз на празднование 18-й годовщины Октябрьской революции.

⁵ См. примеч. 6 к п. 24.

⁶ Строки, написанные Ролланом по просьбе Динамова, по-видимому, были помещены в праздничном номере «Правды» 7 ноября 1935 г. под заглавием «Новый день человечества» (Р. Р о л л а н. Собр. соч., т. 13, стр. 403—404).

⁷ Стих из первой «Эклоги» Вергилия: «Бог предоставил нам этот досуг» (лат.).

28. А. КУРЕЛЛЕ

Villeneuve (Vaud), 14 février 1936

Cher camarade Kurella,

Votre lettre est bien arrivée avant le flot du 29 janvier ¹, aussi l'ai-je pu lire dans le calme de l'amitié. Mais presque aussitôt après, l'inondation a envahi ma petite maison, et il nous faut nager au milieu des papiers. — Voilà pourquoi je suis en retard pour vous répondre, et je ne pourrai le faire, encore aujourd'hui, que brièvement.

J'ai été très touché de ce que vous m'avez écrit, — et, par dessus tout, de votre confiance, qui m'a ouvert le livre de votre vie. Oui, quel conflit des générations, et, au sein même de la nouvelle, quel tourbillon de vents qui s'entrechoquent, en risquant de couler l'embarcation! Ç'a a été certainement plus chaotique et plus violent dans cette jeunesse de l'Europe centrale, rejetée d'un pôle à l'autre par les ouragans, qu'en Occident, où les races d'esprits (disons: les «classes», pour ne pas emprunter ce mot de «races», avili) se sont triées, se sont scindées, plus à loisir, rationnellement. Vous aurez raison d'écrire ce récit d'une vie, d'un âge de l'Europe: c'est faire œuvre non seulement d'art, mais d'histoire. En cette époque, nous sommes comme Monsieur Jourdain de Molière: nous faisons tous de l'histoire, sans le savoir.

Qu'est devenu votre film ou projet de film sur Dimitrov? Je n'en entends plus parler ².

Ce serait bien que vous écriviez aussi ce livre sur Barbusse ³. Le connaissez-vous personnellement, depuis longtemps? — Je n'ai commencé vraiment de me rapprocher de lui qu'à partir de l'époque d'Amsterdam ⁴; depuis lors, je l'ai comme découvert: car je ne le connaissais jusqu'alors qu'au travers d'autres, qui étaient loin de le bien comprendre et même de lui rendre pleine justice. J'ai vu son admirable flamme de dévouement, son don total de soi à la cause. — J'ai été surpris, après sa mort, que se soient montrés parmi le très grand nombre de ceux qui l'admirent, si peu d'intimes, de vieux amis. Je pense que Annette Vidal, qui lui était si dévouée, aurait beaucoup à dire sur lui ⁵.

Je vous serre la main cordialement. Donnez-nous de vos nouvelles, de temps en temps; et si je tarde à vous répondre, excusez-moi! Ce ne sera jamais par manque de sympathie.

Votre dévoué
Romain R o l l a n d

Перевод

Вильнёв (Во), 14 февраля 1936 г.

Дорогой товарищ Курелла,

письмо ваше пришло до потока, хлынувшего 29 января ¹, так что я смог его прочесть в дружески-спокойной обстановке. Но почти вслед за тем мой домик подвергся настоящему наводнению, и нам приходится плавать среди бумаг. Вот почему я запоздал с ответом, да и сегодня я смогу ответить лишь коротко.

Я был очень тронут тем, что вы мне написали, — и особенно вашим доверием, которое раскрыло мне книгу вашей жизни. Да! Какой конфликт между поколениями, и даже в недрах самого молодого поколения — какой круговорот сталкивающихся ветров, грозящих потопой ладью! Конечно, все это было еще более хаотично и яростно у молодежи центральной Европы, швыряемой ураганами от полюса к полюсу, — чем на Западе, где мыслящие расы (скажем лучше: «классы», чтобы не употреблять опошленного слова «расы») отсеивались, отслаивались с большей постепенностью и осознанно. Вы правильно поступите, написав рассказ об одной жизни, о Европе того времени: это значит создавать не только художественное произведение, но и произведение историческое. Мы все похожи теперь на мольеровского господина Журдена: все мы творим историю, не догадываясь об этом.

Как дела с вашим фильмом или проектом фильма о Димитрове? Я больше о нем не слышу².

Хорошо если бы эту книгу о Барбюсе вы также написали³. Долго ли были вы с ним лично знакомы? Я по-настоящему начал с ним сближаться только в период Амстердама⁴; именно тогда я как бы открыл его, ибо раньше знал его лишь со слов других людей, по-настоящему не понимавших его и даже не отдававших ему должного. Я увидел его восхитительную пламенную преданность, его самозабвенное служение избранному делу. После его смерти я был поражен тем, как мало оказалось у него — среди множества восторженных почитателей — близких людей, старых друзей. Думаю, что Аннет Видаль, которая была так предана ему, могла бы рассказать о нем многое⁵.

Сердечно жму вам руку. Давайте нам время от времени знать о себе; и если я буду запаздывать с ответом — извините! Это никогда не будет свидетельствовать об отсутствии симпатии к вам.

Преданный вам

Ромен Роллан

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 23, л. 1—2. — Перевод Т. В. Балашовой.

¹ 29 января 1936 г. отмечалось 70-летие Роллана. В письме к Горькому от 11 февраля Роллан сообщал: «У меня все еще голова кругом идет от всех этих посланий; мысли множества людей, знакомых и незнакомых, как птицы, слетаются со всех концов горизонта и кружат над небольшой виллой вблизи Леманского озера <...> Как вы можете себе представить, из всех посланий самые „любовные“ были из СССР (я вполне могу сказать это слово); они дышали таким теплом, что могли растопить снег!..» («Архив А. М. Горького», т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами, стр. 356).

М. П. Роллан писала Курелле 12—14 февраля:

«Дорогой товарищ Курелла, Роллан получил ваше письмо о Ц. <?> отце и т. д. — и раньше еще одно или два — и собирается писать вам. Сейчас он в клинике, отдыхает (дома невозможно организовать полный отдых). Его „юбилей“ принес ему много радости — потоки писем и телеграмм, полных теплоты; но были 2—3 дня, когда мы даже не успевали читать эти приветствия! (за 2—3 дня около 200 телеграмм и почти тысяча писем!). Теперь я разбираю все это, и по возвращении он ответит друзьям и тем из незнакомых, кто более или менее тронул его.

Все же в клинике он ежедневно пишет одно письмо; и вот написал тов. Димитрову, в ответ на его телеграмму. Но мы не знаем его адреса, — и решили, что лучше всего послать это письмо вам, чтобы вы его ему передали. Хочется быть уверенным, что оно до него дойдет. Будете ли вы так добры, чтобы написать нам, как только передадите?

Просьба еще: скажите Э. Шинко, что мы его не забываем и что Роллан и ему скоро напишет (у него список друзей, перед которыми он в долгу, и в этом списке вы с Шинко стоите чуть ли не первыми). Мы надеемся, что с его книгой дело наладилось? Мы видели Вайскоффа (знаете ли его?), и он обещал постараться помочь Шинко. Помог ли он? Знаете ли, что Людвиг Ренн на свободе и вне Германии? Роллан вчера получил от него письмо! — Я перепису вам его, может быть его интересно напечатать в „Литературной газете“? Жму вам руку, привет вашей жене. — Также Шинко. Сердечно М. Р. (Значит, можно рассчитывать на вас, что передадите письмо Г. Д<имитрову>? — Так, чтобы оно дошло!)»

«Роллан все-таки написал вам, посылаю свое письмо вместе с его. Шинко он напишет позже (он пометил письмо Villeneuve, но он еще в Valmont <...> Вернется на днях. Просьба уведомить нас, когда получите и передадите письмо Д<имитрову>!» (ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 23, л. 4—5 об.).

К письму М. П. Роллан была приложена копия следующего письма Л. Ренна к Роллану:

Lieber Genosse Rolland!

Welche Freude hatten wir, wenn in den deutschen Zeitungen gelegentlich etwas durchsickerte von den Bemühungen, die Sie und andre für uns Gefangene gemacht haben, (sehen!) Ich glaube, Sie wissen kaum, mit welcher Liebe viele, viele Menschen an Sie denken, die dort im Dunkel der Unfreiheit auf unseren grossen Tag warten. Lassen Sie mich Ihnen das sagen. Vielleicht fördert es ihre Arbeit, — was Sie auch gerade tun, — zu wissen, dass der Widerhall ihres entschiedenen Eintretens für uns manche einsame Gefangenzelle hell gemacht hat.

Ich achte Sie sehr.

Ludwig R e n n

Перевод

Дорогой товарищ Роллан!

Какую радость испытали мы, увидев в немецких газетах случайно просочившиеся сообщения о хлопотах, которые вы и другие предприняли за нас, заключенных! Я думаю, что вам едва ли известно, с какой любовью думают о вас многие и многие люди, которые там, во мраке неволи, ожидают, когда наступит наш великий день. Позвольте сказать вам об этом. Возможно, вашей дальнейшей работе — тому, над чем вы сейчас трудитесь, — будет способствовать сознание, что отголоски вашего решительного заступничества за нас, узников, внесли свет во многие одиночные камеры.

Глубоко почитающий вас

Людвиг Р е н н

Г. Димитров писал Роллану в своем приветствии:

«Ко дню вашего семидесятилетия шлю мои лучшие пожелания вам, мировому писателю-художнику, верному другу Советского Союза и трудящихся всего мира, неутомимому борцу против войны, против фашизма и реакции, непоколебимому защитнику жертв капиталистического угнетения и порабощения, имя которого произносят с любовью и упованием томящиеся в фашистских застенках Тельман, Осецкий и Людвиг Ренн, Грамши и Террачини, Ракоши, Антикайнен, Идикава и тысячи других пленников фашизма и реакции в странах капитала.

Я сам всегда вспоминаю с чувством глубочайшей признательности то могучее влияние, которое оказал на спасение моей собственной жизни из рук палачей германского фашизма ваш благородный голос в защиту обвиняемых коммунистов на Лейпцигском процессе. Жму крепко вашу руку, наш дорогой друг, и от всего сердца желаю вам здоровья, бодрости и силы в вашей дальнейшей творческой работе и в вашей мужественной борьбе на передовом посту против темных сил реакции, фашизма и войны за свободу, мир, культуру, за светлые идеалы коммунизма.

Роллан отвечал на это приветствие следующим письмом от 8 февраля:

«Дорогой товарищ Димитров! Немногие из приветствий были так ценны для меня, как ваше. Ибо ваши произведения, ваше творчество — это не книги, а действия; и они записаны в историю; они входят неотделимой частью в эпопею Революции.

Я счастлив быть вместе с вами в рядах великой армии. Когда с высоты моих 70 лет я оглядываюсь на простирающийся за мною путь, я поражаюсь, какое колоссальное пространство пройдено человечеством с того времени. Немало трудностей было преодолено при этом и немало страданий пережито. Но все эти трудности были преодолены и все страдания пережиты не напрасно. И какие бы испытания ни сулило нам ближайшее будущее, мы уверены, что за них нас вознаградит победа великого дела, которому мы служим. Ибо разум борется за нас. Это закон человеческого прогресса. Можно его замедлить, но остановить его нельзя. Поздравим же себя, несмотря на все грозящие нам опасности, что мы принадлежим к такой мощной, к такой творческой эпохе! Пожелаю, чтобы вслед за неслышанным пробуждением Советского Союза последовало бы пробуждение Запада. Вот уже год или два как я с радостью вижу, что такое пробуждение начинается во Франции; и я сожалею только, что чрезвычайно плохое состояние моего здоровья мешает мне принять в этом активное участие. Но голос мой еще звучит в этой борьбе и будет, я надеюсь, еще звучать даже после моей смерти. Буду ли я жив или умру, мое имя, как знамя, среди других знамен, будет служить нашему делу. Дорогой товарищ Димитров, я сердечно жму вашу руку. Ромен Р о л л а н» («Коммунистический Интернационал», 1936, № 4, стр. 76).

О переписке Роллана с Димитровым см. в журн. «Септември» (София), 1968, № 7, стр. 182—197.

² См. примеч. 1 к п. 24.

³ В № 3-4 «Интернациональной литературы» 1934 г. был опубликован очерк Куреллы «Анри Барбюс». Он должен был лечь в основу задуманной им, но так и не написанной книги о Барбюсе.

⁴ Международный антивоенный конгресс открылся в Амстердаме 27 августа 1932 г. Его председателем был избран А. Барбюс. Значительное участие в организации конгресса и пропаганде его идей принимал Роллан, которому не удалось вследствие болезни приехать в Амстердам.



НА ВСТРЕЧЕ В КЛУБЕ ПАРАШЮТИСТОВ

(Слева направо): Рене Аркос, Франс Мазерель, Бертольт Брехт, С. М. Третьяков; в центре парашютистка Нина Камнева
 Фотография, Москва, май 1935 г.
 Собрание О. В. Третьяковой, Москва

⁵ Аннет Видаль в течение долгих лет была секретарем Барбюса. Ее перу принадлежит книга «Henri Barbusse, Soldat de la Paix» («Анри Барбюс, солдат мира»), вышедшая в Париже в 1953 г. (сокращенный русский перевод — М., 1962). Одна глава в ней называется «Борьба против войны и фашизма. — Анри Барбюс и Ромен Роллан». О взаимоотношениях Роллана и Барбюса подробно говорится и в других главах книги.

29. ЕМУ ЖЕ

Villeneuve (Vaud), villa Olga
 3 juin 1936

Cher camarade Kurella,

J'ai bien reçu vos deux lettres. Je réponds hâtivement à celle du 27 mai. Certainement, il est juste et naturel de fêter le 50^e anniversaire de la mort de Pottier; et rien n'est plus facile, puisque cette date coïncide avec le 20^e anniversaire d'Octobre.

Volontiers, je ferai partie du groupe international d'initiative. — Mais je vous engage fortement à ne pas constituer ce groupe uniquement d'écrivains: ce ne sont pas les mérites de Pottier comme écrivain, qui sont grands! C'est le pouvoir d'action universelle, qui a été déclenchée par ces paroles. Il faut que le Comité compte avant tout des hommes d'action, des chefs de partis, auxquels seront mêlés des écrivains ayant pris position dans l'action sociale. Pour la France, ne manquez pas de vous adresser aux principaux représentants des 3 partis constituant le Front Populaire. Joignez-y, parmi les écrivains, Jean Cassou, Jean Richard Bloch, Aragon, qui comptent parmi les plus actifs, Gide, Jules Romains (s'ils veulent), Malraux, Maublanc, Nizan, Georges Friedmann, quelques musiciens: Daniel Lazarus, Darius Milhaud (s'il veut), Raymond Koechlin... etc.

Je ne me risque pas à vous donner des noms, pour les autres pays. Mais, bien entendu, Andersen-Nexö ¹.

Je suis heureux des bonnes nouvelles que vous me donnez de votre travail, et de la joie qu'il vous procure.— Connaissez-vous le volume de *Georges Friedmann*: «*La Crise du Progrès*», paru récemment à la librairie Gallimard: c'est une œuvre de premier ordre (ainsi que l'auteur est de premier rang): un vaste et profond panorama de la pensée mondiale, depuis la fin du XIX^e siècle. Friedmann, que j'ai connu depuis ses débuts, à l'École Normale Supérieure, est, en même temps qu'un beau caractère, un des esprits les plus riches et les plus instruits de la jeune France.

Je vous serre cordialement la main. Ma femme vous adresse son amical souvenir.

Votre dévoué
Romain Rolland

Je viens d'être malade, plus d'un mois, de la grippe. Nous allons partir, dans une semaine, pour la France.

На конверте: Recommandé
L' U. R. S. S. A. Курела
Moscou. 36, rue Gorki, ch. 109
Exp. Romain Rolland, Villeneuve (Vaud), Suisse

Перевод

Вильнёв (Во), вилла Ольга
3 июня 1936 г.

Дорогой товарищ Курела,

я получил оба ваши письма. Спешу ответить на письмо от 27 мая.

Конечно, вполне справедливо и естественно отметить 50-ю годовщину со дня смерти Потье; и что может быть проще — поскольку ее дата совпадает с 20-й годовщиной Октября.

Я охотно войду в международную инициативную группу. Но настойчиво советую вам не составлять эту группу исключительно из писателей: велики заслуги Потье не как писателя! Велика мощь всемирной борьбы, которая вдохновлена его словом. Нужно, чтобы в Комитет вошли прежде всего активные деятели, руководители партий, среди его членов будут и писатели, занявшие видное место в общественной борьбе. Что касается Франции, то не обойдите крупных представителей трех партий, образующих Народный фронт. Включите, наряду с другими писателями, Жана Кассу, Жана Ришара Блока, Арагона, которые являются самыми активными, а также Жюла, Жюля Ромена (если они захотят), Мальро, Моблана, Низана, Жоржа Фридмана, нескольких музыкантов: Даниэля Лазарюса, Дариуса Мило (если он захочет), Раймона Кёхлина и др.

Не решаюсь называть имена по другим странам. Но Андерсен-Нексё, бесспорно, нужен¹.

Мне приятны добрые вести от вас о вашей работе и о радости, которую она вам доставляет. Известна ли вам книга Ж. Фридмана «*Кризис прогресса*», выпущенная недавно издательством Gallimard? Это первоклассный труд (так же, как его автор — первостепенный писатель): обширная и глубокая панорама мировой мысли с конца XIX века. Фридман, которого я знаю с его первых шагов в Ecole Normale Supérieure, — не только человек с прекрасным характером, но и один из самых щедрых и просвещенных умов молодой Франции.

Сердечно жму вашу руку. Моя жена шлет вам дружеский привет.

Преданный вам

Ромен Роллан

Я недавно больше месяца проболел гриппом. Через неделю мы едем во Францию.

Автограф. ИМЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 23, л. 3—4.—Перевод Т. В. Балашовой.

¹ 6 ноября 1937 г. исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Э. Потье (1816—1887). План создания международной инициативной группы остался, по-видимому, неосуществленным, но в Советском Союзе юбилей Потье отмечался очень широко.